Моя последняя война (Афганистан без советских войск)

Махмут Гареев

SHOUT
SHARE
IT

- Гареев Махмут

Гареев Махмут
Моя последняя война (Афганистан без советских войск)

Гареев Махмуд Ахметович

Моя последняя война (Афганистан без советских войск)

{1} Так помечены ссылки на примечания. Примечания в конце текста

Аннотация издательства: В своей книге автор освещает события в Афганистане в 1989-1990 гг., в наиболее трудное для республики Афганистан время, когда после вывода советских войск она должна была самостоятельно противостоять вооружонной оппозиции. Автор, командированный в Кабул в качестве главы советской оперативной группы при Президенте Наджибулле, описывает события того времени, общественно-политическую обстановку в стране, противоборствующие силы, военные действия, анализирует причины и следствия проведения военных акций, принятия тех или иных военных и политических решений, их результаты. Описание дается в форме увлекательного рассказа очевидца и непосредственного участника событий. Для научных работников, военных историков, студентов, широкого круга читателей, интересующихся событиями афганской войны.

Содержание

Предисловие
Глава I. Апрельская революция и война в Афганистане
Глава II. "Неверных" нет, а война продолжается
Глава III. Вооруженная оппозиция
Глава IV. Вооруженные силы республики Афганистан
Глава V. Важнейшие события и боевые действия
Глава VI. Афганцы и мы
Глава VII. Уроки и выводы из Афганской войны
Заключение
Примечания

Предисловие

Когда-то Ф. Энгельс писал об афганцах: "Только их неукротимая ненависть к государственной власти и любовь к личной независимости мешают им стать могущественной нацией"{1}.

И все, кто в разное время пытался покорить Афганистан, терпели неудачи, прежде всего из-за непонимания именно этой

метко подмеченной особенности афганского народа. Трижды приходили в Афганистан англичане, но каждый раз в результате противодействия свободолюбивого афганского народа казалось бы в покоренной ими стране силы завоевателей подтачивались, иссякали и они вынуждены были покидать ее.

Почти десять лет находились на территории Афганистана советские войска, но и они не смогли навязать его народу угодный для Советского Союза политический режим.

В Афганистане никогда не было абсолютной централизованной власти. Афганские короли сами находились в зависимости от наиболее могущественных пуштунских племен, платили им за охрану государственной границы, но зато брали двойной налог с Других, более слабых племен и национальных меньшинств. Для того, чтобы ладить с влиятельными племенами короли и жен себе брали из их среды. Когда в 1989 г. президент Республики Афганистан Наджибулла рассказывал об этих аспектах афганской истории и при этом сокрушался по поводу того, что к прежним неурядицам Афганистана добавились неутихающие противоречия между халькистами и парчамистами, я ему в шутку советовал взять одну жену - халькистку, другую - парчамистку и тем самым добиться их примирения. Но дело было не только в межпартийных противоречиях, ослабляющих государственные структуры и армию. Народы и племена, населяющие Афганистан, по-прежнему не признавали неограниченную централизованную власть как в центре, так и в провинциях. Они боролись за свою свободу на всех уровнях.

Отсюда раздираемая многообразными острыми противоречиями рыхлость и раздробленность всей системы не только государственного управления и официальной господствующей власти в Кабуле, но и раздробленность оппозиции. Отряды моджахедов состояли из семи-восьми независимых и соперничающих друг с другом группировок, внутри каждой из них своевольничали местные правители и полевые командиры.

Раздробленность и междоусобная борьба между различными партиями, группировками и кланами не прекратилась и после вывода из Афганистана советских войск и падения режима Наджибуллы. Все это свидетельствует о том, что вряд ли увенчаются успехом попытки любой партии или группировки установить абсолютную власть во всем Афганистане. Рано или поздно противоборствующие силы в этой стране вынуждены будут искать компромиссы, находить приемлемый баланс интересов и политические решения, учитывающие исторические традиции Афганистана и позволяющие рационально сочетать

минимально необходимые элементы централизованной власти и относительной самостоятельности народов и племен. Об этой стороне дела не должны бы забывать и внешние силы, все еще пытающиеся направить события в Афганистане в нужном им направлении.

Советские войска из Афганистана были выведены в период, когда правительством Наджибуллы была провозглашена политика национального примирения и велись настойчивые переговоры с оппозицией по созданию коалиционного правительства. Сейчас трудно сказать, в какой мере удалось бы осуществить эту политику на деле, если бы новый российский МИД не отвернулся от правительства Республики Афганистан. Во всяком случае крови было бы пролито меньше, чем это происходит сейчас.

Автор этих записок прибыл в Кабул 7 февраля 1989 г. в качестве главного военного советника президента - Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Республики Афганистан, когда вывод советских войск с территории этой страны уже завершался. Мне с небольшой оперативной группой пришлось работать в Афганистане в 1989-1990 гг., в наиболее трудное время, когда правительственные войска, лишившись поддержки советской 40-й армии, должны были самостоятельно противостоять вооруженной афганской оппозиции.

Об Афганистане немало уже написано. Одной из наиболее удачных и объективно написанных представляется мне книга группы авторов Института военной истории Министерства обороны под руководством полковника Н. И. Пикова{2}, хотя она писалась в то время, когда еще не было доступа к многим закрытым документам.

Довольно правдива и интересна, на мой взгляд, и книга бывшего командующего 40-й армией генерал-полковника Б. В. Громова "Ограниченный контингент"{3}, в которой, пожалуй, наиболее квалифицированно проанализирован характер боевых действий 40-й армии в Афганистане. В ней приведены некоторые ранее неизвестные документы высшего политического и военного руководства. Хотя не со всеми суждениями Б. Громова можно согласиться, о чем будет сказано по ходу данного повествования.

По-журналистски живо, публицистически остро, но сугубо под углом зрения перестроенных времен написана книга Д. Гая и В. Снегирева "Вторжение"{4}. Весьма обстоятельную и содержательную книгу написал генерал А. Ляховский{5}. Квалифицированный и достоверный анализ хода боевых действий в Афганистане дается в материалах, подготовленных под руководством генерала армии В. И. Варенникова и генерал-

лейтенанта С. А. Богданова{6}.

С интересом читаются воспоминания генерал-полковника В. А. Меримского о его работе в Афганистане в составе оперативной группы Министерства обороны{7}.

Из зарубежных публикаций заслуживают внимания книги американского публициста Ф. Боноски "Секретная война Вашингтона против Афганистана"{8}, Боба Вудворта "Тайные войны ЦРУ"{9}, английского публициста Марка Урбана "Война в Афганистане"{10}, статьи С. Харрисона "Анатомия афганских переговоров"{11}.

С хорошим знанием обстановки в Пакистане и Афганистане написана книга непосредственным очевидцем афганских событий Р. Анваром "Трагедия Афганистана"{12}.

Представляет интерес книга "Этот странный кризис: от Кабула до Женевы", подготовленная научным центром перспектив и международной информации в Париже{13}, статья А. Шевалериаса "Афганистан: восемь лет войны"{14}, в которой основное внимание уделяется анализу характера боевых действий советских войск и моджахедов, и некоторые другие работы.

Наряду с упомянутыми выше, в определенной степени даже тенденциозными и субъективными, но в целом серьезными публикациями, появилось и много поверхностных и легковесных статей и книг, главной особенностью которых является не попытка осмыслить и разобраться в том, что произошло, а стремление все подогнать под определенные заранее политические установки.

Одной из таких была книга Георгия Брудерера "Афганская война"{15}, на которую часто ссылаются на Западе. Это очень небольшая, красочно изданная, но очень необъективная книжка. В ней много неточностей и искажений фактов, свидетельствующих не только о предвзятости, но и слабой осведомленности автора об описываемых событиях.

Так, не состоятельной является его версия о миссии генерала В. Папутина{16} для переговоров с Х. Амином и будто бы он был убит охранниками Амина{17}. Неправда, что при вводе советских войск "афганская армия оказывала интервентам упорное сопротивление"{18}. Г. Брудерер пишет о высадке в Кабуле 108-й воздушнодесантной дивизии, о каких-то 357-й и 66-й "моторизированных стрелковых дивизиях", 16-й, 54-й, 346-й мотострелковых дивизиях{19}, которых вообще в Советской Армии не было.

Вымыслом является утверждение, что "советский контингент в Афганистане состоял из восьми мотострелковых дивизий", о потерях советских войск, исчислявшихся "десятками тысяч"

солдат{20}, или что в 1984 г. "из-за угрозы обстрела и нападений" командный пункт 40-й армии был переведен в Термез, о наличии в Ташкенте командования "южного театра военных действий" (главкомат южного направления располагался в Баку) и многие другие приводимые в книге данные и сведения. Нельзя признать серьезными предположения автора о советских стратегических целях по расчленению Афганистана с отторжением и включением в состав СССР северных районов этой страны и т. д{21}.

Любого читателя, желающего узнать то, что было в действительности, должна настораживать уже сама небрежность и вольность обращения с фактами и цифровыми данными. И в некоторых других книгах немало подобных нелепостей и ложных утверждений, которые соответствующие авторы и издательства преподносят чуть ли не как истину самой последней инстанции, но они очень далеки от того, что было на самом деле. Раньше эти нелепости можно было как-то еще оправдать ссылками на закрытость и отсутствие достоверных данных. Но и после того, как многое стало известным, никто из авторов и издательств не нашел нужным извиниться за распространение разного рода слухов и лживых сообщений. Правда им, видимо, нужна, как воробью вещевой мешок.

Несмотря на обилие всякой литературы об афганской войне и разное освещение событий, пока ничего не написано о сложнейшем периоде, когда Республика Афганистан продолжала бороться с вооруженной оппозицией после вывода советских войск из этой страны.

В некоторых книгах, посвященных Афганистану, об этом периоде даже не упоминается, как будто его и не было. Особенно избегают касаться этой темы некоторые работавшие в Афганистане политические деятели и военачальники. И их можно по-своему понять. С таким трудом противостояли вооруженной оппозиции совместно действовавшие советские и афганские правительственные войска и вдруг с не меньшим успехом стала держаться афганская армия, оставшаяся наедине с вооруженными силами оппозиции. Неловкость, возникающая у некоторых начальников в связи с этим, нередко переходила в раздражение и, видимо, поэтому генералов и офицеров, работавших в Афганистане после вывода 40-й армии, до сих пор не причисляют даже к лику "афганцев". Но такое уже бывало и раньше.

После гражданской войны 1918-1921 гг. в особый разряд военных людей были зачислены командиры и бойцы 1-й конной армии. Они заняли все ведущие должности в Красной Армии, но многие из них не показали себя должным образом во время Великой Отечественной войны. После этой войны, в так

называемые застойные годы, настоящими вояками считались те, кто воевал на Малой Земле. Не случайно и появление полных сарказма афоризмов: "Великая Отечественная война - эпизод в битве за Малую Землю", "Воевал ли ты на Малой Земле или отсиживался в окопах Сталинграда?"

За 10 лет через Афганистан прошли десятки тысяч офицеров, служивших в 40-й армии, бывших советниками в афганской армии, но "настоящими афганцами" считаются только те, кто служил при определенном начальстве. В Москве, например, немало проводится встреч и других мероприятий с участниками афганской войны, но приглашаются на них, в основном, лишь "афганские конники и малоземельцы". Никто уже не вспоминает командующих 40 армии Ю. В. Тухаринова, В. П. Дубинина, И. Н. Родионова, В. Ф. Ермакова, Л. Е. Генералова, главных военных советников генералов Л. Горелова, С. Магомедова, А. Майорова, Г. Салманова, М. Сорокина, Б. Ткача, М. Соцкова, В. Вострова, Н. Грачева, Б. Шеина, Б. Перфильева и других. Некоторые приглашения были сделаны лишь с 5-летием вывода советских войск из Афганистана. Забыты даже советники при афганских батальонах и полках, участь которых была значительно тяжелей, чем многих офицеров боевых подразделений советских войск, не говоря уже о тех, кто работал в афганской армии после вывода наших войск. Все это не только не справедливо, но и сужает историю афганской войны, придает ей однобокий характер. К тому же в условиях раздробленности российского общества единство ветеранов всех войн (где бы они не выполняли свой долг - в Великой Отечественной войне, Китае, Корее, Вьетнаме, Анголе, Афганистане, во многих горячих точках) приобретает особенно большое значение.

С учетом изложенного, цель представляемой вниманию читателя книги состоит в том, чтобы в меру возможности рассказать о важнейших политических событиях и военных действиях, происходивших в Афганистане, в период, когда советские войска покинули эту многострадальную страну. Есть надобность и в том, чтобы по некоторым вопросам вернуться и к более ранним событиям, поскольку они иногда извращаются в угоду новым политическим веяниям и установкам.

Д. Гай и В. Снегирев в книге "Вторжение" справедливо пишут: "Афганский клубок вобрал в себя и причудливо запутал множество нитей, в каждой из них своя частичка правды"{22}. И в самом деле для объективного освещения истории любой войны нужен широкий взгляд разных людей, участвовавших в ней. Учитывая принципиальное значение такого подхода к историческим событиям, представляется необходимым особо

сказать об этом в самом начале книги.

Дело в том, что как и в книгах о второй мировой войне, в подходе к истории афганской войны порою удивляет безапелляционность, легкость суждений некоторых историков, писателей, публицистов о сложнейших, неоднозначных событиях, которые имеют и такие аспекты, которые могут быть неведомы этим людям.

Если, например, один из свидетельствующих в книге "Вторжение" говорит, что перед вводом войск в Афганистан "объявили готовность номер один"{23}, а авторы без всяких оговорок воспроизводят такие высказывания, если берутся на веру суждения и доклады "вверх" лишь определенных, угодных авторам людей, которые любили позаигрывать с представителями прессы, больше всех шумели о своих заслугах, придумывая о себе различного рода легенды, и вместе с тем не берутся во внимание другие, более обстоятельные и острые доклады по афганской проблеме, если гневно осуждаются ошибки, допущенные при вводе войск в Афганистан и умалчивается о не менее тяжких просчетах, совершенных после 1991 г., то при такой однобокой интерпретации событий у более или менее осведомленного читателя возникает сомнение: действительно ли речь идет о попытках приблизиться к исторической правде или мы имеем дело с неоклассовым подходом с противоположными знаками.

В ряде книг и статей о войне коробит стремление некоторых, не так уж много и не лучше всех воевавших людей, выдать себя чуть ли не за самых уникальных фронтовиков, а также озлобленность и агрессивность по отношению к тем, кто, может быть, видел на войне и что-то другое и имеет иное мнение по тому или иному вопросу.

Писатель В. П. Астафьев когда-то правильно говорил, что с его точки зрения (рядового связиста артиллерийской бригады) не так уж много было видно, что правда о войне складывается из огромного потока книг, посвященных этой теме. (Правда, в последнее время Виктор Петрович стал более категоричен в своих суждениях по самым разным проблемам истории войны). Белорусская писательница С. Алексеевич, не лукавя, как некоторые писатели и журналисты, с подкупающей откровенностью пишет: "Мне говорят: надо всю войну охватить и положительное и отрицательное в ней. Но почему? А у меня другое зрение. Я так вижу. Вообще России и русской мысли тенденциозность была присуща испокон веков"{24}. Ради бога, оставайтесь при своем видении. Это даже хорошо. Но самый крупный руководитель, обладавший всей полнотой информации, не может непосредственно видеть того, что видит солдат или

писатель, журналист, особенно если он такой наблюдательный, как К. Симонов. Вместе с тем не каждый писатель и журналист может в полной мере и с должной компетентностью оценить те или иные решения, действия и события. Для правдивой истории необходимы разные углы зрения, широкий взгляд с различным уровнем амбразур и высот. Но никто не должен считать этот угол зрения единственно возможным и правильным. Выражаясь словами академика И. П. Павлова, главное в том, чтобы мы не были глухи к возражениям не только со стороны иначе думающих, но и со стороны самой действительности.

Исходя из этих соображений, и автору этой книги, опираясь на ряд не опубликованных оперативных документов и личные наблюдения, хотелось бы высказать свое видение событий в Афганистане в один из сложнейших и переломных периодов ее истории.

Выражаю сердечную признательность за содействие и финансовую помощь в издании книги Президенту Международного фонда Российско-Эллинского духовного единства академику Трапезникову Евгению Георгиевичу, Президенту Российского Совета ветеранов Афганистана Клинцевичу Францу Адамовичу, руководству ОНЭКСИМ банка Потанину Владимиру Олеговичу и Батчикову Сергею Анатольевичу.

Глава I.

Апрельская революция и война в Афганистане

Обстановка в Афганистане и события, происходившие в этой стране после Апрельской революции 1978 г., подробно освещены в официальных документах, упомянутых выше и других книгах и многочисленных статьях. Казалось бы добавлять ко всему этому нечего. Но оценки этих событий и выводы делаются самые различные. Без объективного освещения и уяснения их невозможно правильно понять положение, сложившееся в период после вывода советских войск из Афганистана, о котором главным образом и пойдет речь в этой книге. Поэтому хотелось бы высказать свое мнение по вопросам, вызывающим наиболее острые споры, а иногда и диаметрально противоположные взгляды.

Прежде всего это вопрос о характере Апрельской революции и возможных перспективах реализации ее идей в условиях Афганистана.

Второй вопрос - о правомерности и целесообразности ввода советских войск в Афганистан в декабре 1979 г. и как оценивать результаты ее действий в этой стране: одержали ли они победу или потерпели поражение, как иногда пишут и говорят.

Третий вопрос - об обстановке в Афганистане после вывода советских войск, как выполнялись сторонами Женевские соглашения, почему не оправдались многочисленные прогнозы о том, что после ухода советских войск Республика Афганистан немедленно рухнет.

В связи с предстоящими рассуждениями по этим вопросам считаю необходимым так-же заметить, что мои детство и юность прошли в Башкирии, в Узбекистане и Таджикистане. Я учился и окончил 7 классов в узбекской школе. Начинал службу (воспитанником) в кавалерийском полку, который вел боевые действия с басмачами. Окончил Ташкентское пехотное училище. Поэтому с особенностями и национальными обычаями народов этого региона был знаком. В послевоенные годы неоднократно бывал в Туркестанском военном округе по делам службы и на учениях. В 80-е годы в роли заместителя начальника Главного оперативного управления, а затем заместителя начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР приходилось несколько раз выезжать в советские войска, действующие в Афганистане.

Первый раз это было осенью 1980 года, когда мы приезжали в Афганистан вместе с генералом армии В. И. Варенниковым. В 1981 г. привелось около 10 дней работать в войсках 40-й армии и некоторых соединениях афганской армии, когда оперативную группу Министерства обороны СССР в Афганистане возглавляли Маршал Советского Союза С. Л. Соколов и генерал армии С. Ф. Ахромеев. Эту поездку мы совершали вместе с адмиралом А. И. Сорокиным - первым Заместителем начальника Главного политического управления. Мне довелось также быть в Афганистане в 1985 и 1987 гг.

Опыт этих поездок позволяет мне в какой-то мере судить об обстановке в Афганистане и до 1989 г. не только по оперативным документам в процессе работы в Генштабе и публикациями в печати, но и по личным наблюдениям в Афганистане, результатам встреч и бесед со многими участниками событий.

В 1989-1990 гг., будучи советником президента - Верховного Главнокомандующего вооруженными силами Республики Афганистан, мне пришлось быть в гуще афганских событий и принимать в них непосредственное участие. Итак, еще один взгляд, еще одно видение афганских событий одного из их свидетелей.

1. Апрельская революция 1978 г. Ее шансы и последствия

Говоря об Апрельской революции 1978 г. некоторые историки, политологи и журналисты прежде всего ставят вопрос: была ли эта революция нужной и оправданной. В связи с этим

припоминается восклицание одного из персонажей кинофильма "Бумбараш": "Яшка гранату бросил - революцию сделал!" К сожалению, подобный примитивный взгляд на революцию имеет место не только в фильмах. И в нашей жизни бытует наивный взгляд будто бы захотели какие-то злоумышленники, взяли и устроили революцию. Категорическое непринятие революций бытовало не только среди части людей с дилетантскими представлениями о социально-политических вопросах. Этим грешили и некоторые известные философы. В исторической науке до сих пор нет единого мнения о значении революционного и эволюционного, реформистского путей развития общества и, видимо, никогда не будет, поскольку даже через несколько сотен лет неоднозначно оценивается роль английской революции (XVII в.) и Великой французской революции. Существующие полярные оценки отражают лишь одну из сторон движущихся сил общественного развития.

С одной стороны исторически не всегда был оправданным безальтернативный подход, подчеркивающий неизбежность революционного, насильственного подхода к решению назревших социальных проблем. С другой стороны - жизнь не подтвердила правомерность взглядов последователей А. Токвиля, И. Тэна и других философов, видевших только разрушительную сторону революций и полностью отрицающих их позитивную роль в развитии общества. Исторический опыт показывает, что революции не могут совершаться, если для этого нет объективных условий и глубоких общественных потребностей. Люди всегда мечтали о более справедливом устройстве жизни. И человеческое общество с точки зрения воплощения идей свободы, справедливости, благосостояния большинства людей (при всех еще нерешенных социальных задачах) сегодня уже далеко не то, каким было при рабовладельческом, феодальном или раннем капиталистическом строе. И все это происходило не само по себе, а в результате упорной борьбы народных масс за свои права, за лучшее будущее. Понятно, что эволюционный, реформистский путь более предпочтителен. И после февраля 1917 г. В. И. Ленин не исключал для России такой возможности. Но порою объективные процессы, новые потребности развития общества, обострение противоречий внутри него накапливают такой заряд "критической массы" (как это было во Франции в 1789 г. или в России в 1917 г.), что эволюционный путь прерывается и происходит социальный взрыв, который обычно ускоряет ход истории, создавая условия не только для разрушительных, но и для многих созидательных, прогрессивных преобразований.

Но нейтрализация негативных и реализация позитивных

сторон во многом зависит от участников революционного процесса. История знает разрушительные последствия революций, но известно и немало примеров, когда длительная консервация потребностей общества и чрезмерное замедление его развития оказывались пагубными для прогресса и приводили в конечном счете к более тяжелым жертвам и разрушительным последствиям.

Как писал польский философ Лешек Колаковский: "Мы должны всегда помнить две истины: во-первых, если бы новые поколения вновь и вновь не восставали бы против унаследованных традиций, то мы бы и поныне жили в пещерах; во-вторых, если бы все свелось только к этим мятежам, то мы снова оказались бы вскоре в пещерах"{25}.

В свете этих выработанных историей закономерностей эволюционных и революционных процессов следует рассматривать и Апрельскую революцию 1978 г., в Афганистане.

Афганистан к концу 70-х годов оставался одной из самых отсталых стран мира. Жизнь его 16 миллионного многонационального народа раздиралась многочисленными очень сложными и запутанными политическими, социальными и экономическими противоречиями.

По данным ООН Афганистан находился на 108 месте среди 129 развивающихся стран по доходу на душу населения. Крестьяне, составлявшие 80 процентов населения, в большинстве своем не имели своей земли и находились в долговой кабале у помещиков и сельских ростовщиков. Урожайность основных сельскохозяйственных культур была одной их наиболее низких в мире. Страна постоянно испытывала нужду в продовольствии.

Крайне слабо была развита промышленность (всего около 300 промышленных предприятий с общей численностью фабрично-заводских рабочих 44 тыс. человек), занятых главным образом первичной обработкой сельскохозяйственного сырья. Кроме того, имелось 67 тыс. строительных рабочих. Даже при таком ограниченном количестве рабочих существовала хроническая безработица. Национальная промышленность обеспечивала потребности страны всего на 20 процентов{26}. В городе и деревне царила страшная нищета.

Коррупция, хищения и другие злоупотребления государственных чиновников в центре и на местах, отсутствие элементарных социально-экономических и политических прав вызывало большое недовольство населения. Все это усугублялось племенными, национальными и религиозными притеснениями. 90 процентов населения было неграмотным. Значительная часть афганцев не была вовлечена в политическую жизнь. Многие люди

не знали даже имени короля, который ими правил. Для них авторитетом были местные муллы и старейшины. Как заметил один из исследователей Афганистана, жизнь в Афганистане "...носила архаичный, привычный, недвижимый характер. Ход времени затормозился почти до полной остановки. Норма существования определялась поговоркой: верблюд не выдержит лошадиной скорости, поэтому мы идем своей дорогой, по пути, начертанному Аллахом"{27}.

Всякому непредубежденному человеку ясно, что афганское общество не могло и дальше оставаться в таком удручающем состоянии. Назревшие социально-политические, экономические и национальные проблемы надо было решать. Ни король, представлявший феодально-монархическую власть, ни М. Дауд, свергнувший королевскую власть и установивший республиканский строй, каких-либо радикальных реформ для разрешения назревших нужд народа не предпринимали. При сложившейся в стране социальной структуре власти они и не могли практически осуществить какие-либо коренные преобразования, ибо это встречало ожесточенное сопротивление реакционных сил, незаинтересованных в каких-либо преобразованиях.

В этих условиях для проведения реформ сверху нужна сильная государственная власть, а ее в Афганистане никогда не было. Попытки установить сильную централизованную власть встречали сопротивление не только у племенных вождей и других местных правителей, но и в массе народа. Все большее ухудшение материального благосостояния народных масс и неспособность правящих кругов устранить причины острейших социальных противоречий, обострение борьбы между различными общественно-политическими группировками породили неразрешимый кризис власти.

Но когда "верхи" уже не могут править по-старому, а "низы" не могут выносить дальше произвол, нищету и бесправие, - назревает революционная ситуация, предотвратить которую в Афганистане вряд ли было можно. Недовольство народа начинало выливаться наружу, в различных районах страны возникали волнения и вооруженные восстания. Обострение политической борьбы в обществе привело к все более широкому втягиванию в эти процессы афганской армии.

В литературе, посвященной Афганистану, иногда изображают дело таким образом, что военно-политическая обстановка в этой стране дестабилизировалась лишь после прихода на ее территорию советских войск. Такая версия очень далека от истины. В Афганистане всегда были крупные оппозиционные

силы, выступавшие против королевской власти. Во второй половине 60-х годов наибольшую активность приобрело движение исламских фундаменталистов, которое выступало против модернизации ислама и светского характера общества и государства. Объединившись в 1968 г. в союз "мусульманская молодежь" они организовали ряд массовых акций протеста и вооруженных выступлений с целью свержения королевского режима.

Не успокоились они и после свержения короля Захир Шаха и прихода к власти М. Дауда. Одно из крупных выступлений оппозиции против новых республиканских властей было предпринято в 1975 г., когда начались повстанческие действия в долине Панджшер и в ряде других районов страны. После поражения этого выступления лидеры союза "мусульманская молодежь" бежали в Пакистан и там продолжали готовиться к новым антиправительственным выступлениям. Правительство Пакистана не только не пресекало их враждебную деятельность, а всячески помогало афганским фундаменталистам, создавая на своей территории широкую сеть баз и центров подготовки вооруженных отрядов оппозиции. Руководили их обучением и деятельностью пакистанские спецслужбы.

В 1976 г. на территории Пакистана на базе "союза мусульманской молодежи" и других противников афганского правительства были созданы новые партии: "Исламское общество Афганистана", "Исламская партия Афганистана", составившие в последующем главную силу афганской вооруженной оппозиции.

Своеобразные условия обстановки в Афганистане к 1978 г. сложились таким образом, что в национально-освободительном движении в стране наиболее активной политической силой, имеющей наибольшее влияние в армии, оказалась народно-демократическая партия Афганистана. К тому же стремление М. Дауда расправиться с этой наиболее опасной частью оппозиции и начавшиеся аресты руководителей НДПА дали толчок и ускорили революционное выступление этой партии и в апреле 1978 г. ей удалось свергнуть правительство М. Дауда и прийти к власти. Так совершилась Апрельская революция.

По своему характеру и методам осуществления по существу это была не народная революция, а военный переворот, так как он был осуществлен в основном армейскими частями, расположенными в Кабуле, под руководством революционно настроенных офицеров. Какие-либо широкие общественно-политические силы и тем более народные массы в этой акции не участвовали.

Это был военный переворот, который в результате коренных

качественных преобразований в обществе мог перерасти в социальную революцию. Но по ряду объективных и субъективных причин такая революция, которую бы принял народ и которая бы затронула глубинные процессы народной жизни и весь уклад социально-политической и экономической структуры общества, такая революция в Афганистане так и не состоялась. Кстати, профессор К. М. Цаголов в оценке этой революции был прав. И трудно понять, почему так резко ополчились против него за это главпуровцы.

В 1978 г. ЦК НДПА обнародовал свою программу "Основные направления революционных задач". Она предусматривала кардинальные политические и социально-экономические преобразования по ликвидации феодальных и дофеодальных отношений; утверждение в стране революционно-демократического режима; ограничение крупного помещичьего землевладения путем изъятия излишков земли у помещиков в пользу государства без компенсации и бесплатное наделение землей безземельных и малоземельных крестьян. Провозглашались демократизация общественной жизни, отмена сословных привилегий, ликвидация всех видов угнетения и эксплуатации.

Несмотря на то, что не все революционные цели открыто декларировались, это была по существу программа установления диктатуры не существовавшего в стране пролетариата и социалистических преобразований. Но если, как говорил Г. В. Плеханов, Россия к 1917 году еще не смолола муки, из которой можно было испечь хлеб социализма, то тем более в Афганистане для социалистических преобразований не было не только смолотой муки, но не были еще вложены в афганскую почву необходимые для этого зерна. Такая максималистская программа с самого начала была авантюристичной и поэтому обречена на провал. Тем более, что многие преобразования пытались осуществить без всякого учета специфических условий Афганистана, особенно влияния ислама и религиозности народа. Поэтому основная часть населения с самого начала не поддержала идеи Апрельской революции. Легкая победа над правительством М. Дауда вскружила голову лидерам Апрельской революции и среди них возобладали левацкие, экстремистские тенденции.

Нежизненность программы революционных преобразований, попытки навязать их насильственными методами, острые разногласия и непримиримая борьба между группировками "Хальк" и "Парчам" внутри НДПА, массовые репрессии против духовенства и широких слоев населения только

дискредитировали в глазах народа революционные идеи.

Военный путч мог перерасти в социальную революцию и изменить к лучшему жизнь афганского общества лишь в том случае, если бы реформы и нужные социально-политические, экономические и идеологические преобразования осуществлялись не только сверху, но и главным образом снизу, по мере того, как само население созревало для этого и начинало их поддерживать.

С точки зрения организации политической власти нужна была коалиция реформистских партий различного направления, которая бы отражала интересы основных слоев общества и обеспечивала поэтапное социальное развитие, при котором революционные лозунги не слишком бы опережали существующие реальности, а разрыв между словом и делом был бы не слишком большим. Требовалось учитывать и исторические традиции страны и вместо копирования Советской власти более широко использовать на всех уровнях джирговые{28} традиции, постепенно наполнив их новым содержанием.

Вместо всего этого Амин и некоторые другие руководители НДПА пытались в полуфеодальной стране ускоренно насаждать леворадикальный социализм самыми свирепыми казарменно-приказными методами.

Политические свободы были лишь формально провозглашены. На деле же искусственно разжигалась классовая борьба, в разряд врагов зачислялись все, кто хоть в чем-то был не согласен с курсом новых властей, проводились массовые репрессии с расстрелами жителей целых кишлаков. Господство новых властных структур, особенно в период диктаторского правления Х. Амина, утверждалось тоталитарными крайне жестокими методами, что вызывало протест даже групп населения, которые первоначально поддерживали идеи апрельской революции.

Ничего не было сделано, чтобы решить национальные проблемы. Афганистан населяют свыше 30 народностей, говорящих более чем на 20 языках{29}. Большинство населения - пуштуны, занимавшие всегда господствующее положение. Национальные меньшинства (таджики, узбеки, хазарейцы, чарайнаки, туркмены, нуристанцы, белуджи и др.) всячески притеснялись и находились в неравноправном положении. Можно было привлечь их на сторону революции, предоставив этим народам определенную национальную автономию, но в новых властных структурах продолжали господствовать пуштуны, которые и после революции не хотели расставаться со своим особым положением в государстве.

В экономической жизни важнейшее значение имела

земельная реформа. Но ее тоже надо было подготовить снизу, добившись определенной поддержки духовенства (хотя бы в низовом звене) и самих крестьян. Земельная реформа свелась к тому, что землю начали отбирать у одних и отдавать другим. При этом не учитывалось, что ислам запрещает отнимать то, что Аллах дал во владение другому и многие бедные крестьяне отказывались брать передаваемые им земельные участки. Никакой охраны и государственной гарантии обеспечения принадлежности новой собственности не было организовано. Взявших землю крестьян местные богатей убивали, всячески противодействовали обработке земли. Они же держали в своих руках источники водоснабжения, лишая воды новых собственников земли.

Не были учтены и многие другие обстоятельства, составляющие традиционно сложившиеся особенности Афганистана. Например, в этой стране никогда не было рабочего класса в его европейском понимании. Как отмечают некоторые знающие Афганистан исследователи, "средний" афганец всегда был одновременно немного крестьянин, немного торговец, немного ремесленник. Различия между городом и деревней всегда были условны. Низкая производительность труда в промышленности и в строительстве, низкая зарплата приводили к тому, что большинство рабочих были не в состоянии содержать при себе семью и оставляли ее в кишлаках, постоянно сохраняя связи с сельской местностью, что препятствовало выработке пролетарской идеологии у рабочих.

Пуштунские кочевые племена никогда не признавали государственных и иных административных границ. Территории, по которым они перемещались, им казались такими же естественными, как принадлежащие всем солнце, луна и небо. Поэтому попытки жестко перекрыть границы с Пакистаном и Ираном обострили отношения кабульских властей и с кочевыми племенами. Попытки ограничить Ислам и насадить атеизм встречали враждебное отношение всего населения.

Глава II.

"Неверных" нет, а война продолжается

1. Как я оказался в Афганистане

В феврале 1994 г. на памятном вечере в Москве, посвященном 5-летию окончания афганской войны, все друг друга поздравляли с выводом войск, а меня с вводом в Афганистан, так как к моменту завершения вывода войск я совершенно неожиданно для себя оказался в этой стране.

В конце 1988-в начале 1989 гг. я, как заместитель начальника Генерального штаба Вооруженных Сил СССР, занимался своими

делами, связанными с руководством научной работой и оперативной подготовкой, а также некоторыми вопросами военного сотрудничества с зарубежными странами. С целью разъяснения наших позиций по оборонительному характеру военной доктрины по заданию руководства Министерства обороны мною были совершены поездки в Лондон и Бонн. В январе 1989 г. посетил Кубу, где мы с группой офицеров оказывали помощь в проведении оперативно-стратегического учения. Предстояли и другие поездки. Но нельзя было предположить, что неисповедимые пути военной службы могут привести меня в Афганистан.

Советские войска из Афганистана выводились и казалось, что заботы Генштаба, связанные с афганской проблемой, уходят в прошлое. Да и по профилю работы я стоял в стороне от непосредственного участия в афганских делах. Но, как говорят, мы предполагаем, а Бог и судьба располагают.

В конце января 1989 г. с кратковременной поездкой в Кабул вернулся Министр обороны генерал армии Д. Т. Язов и в тот же день поздно вечером собрал совещание руководящего состава Министерства обороны и Генштаба. Он рассказал об обстановке в Афганистане накануне завершения вывода советских войск, о своих встречах с руководством Республики Афганистан. Суть его выступления сводилась в основном к трем моментам. Первое - обстановка в Афганистане складывалась очень сложная и рассчитывать на прекращение военного противостояния правительственных сил и оппозиции не приходилось. Он подчеркнул, что афганское политическое и военное руководство чувствует себя крайне неуверенно. Второе - Министр обороны весьма критически отозвался о позиции некоторых посольских работников и группы военных советников, которые, как он сказал, больше занимаются критикой афганского руководства и меньше делом по оказанию конкретной помощи афганским вооруженным силам. Особенно его беспокоила нескрываемая некоторыми военными советниками ненависть к президенту Наджибулле. Третье - президент Республики Афганистан настойчиво добивался оставления части советских войск в этой стране или (если это возможно) направления наших добровольцев для охраны дороги Хайротон - Кабул и сопровождения автоколонн, обеспечивающих материальное снабжение. Наджибулла поставил также вопрос, чтобы при нем, как Верховном Главнокомандующем афганскими вооруженными силами, работал военный советник с небольшой оперативной группой. Возможность выделения "добровольцев" советской стороной была поставлена под сомнение. Но отказывать ему во всем было невозможно. И поэтому генерал Д.

Язов, видимо, счел более целесообразным выделение группы офицеров для работы в Афганистане, чем заниматься созданием сомнительных военных формирований, чреватых политическими осложнениями и требующих больших хлопот.

Наш Министр обороны сказал, что по решению правительства никаких войск, в том числе "добровольцев" в Афганистане оставляться не будет, но военная помощь этой стране будет оказываться, в том числе предполагается направить в Кабул оперативную группу. Свое выступление он закончил словами: "Кто поедет в Афганистан, определим в ближайшие дни. Обстановка там трудная, но думаю, что и никто из вас в труса играть не будет". После этого он оглядел зал и, как мне показалось, несколько дольше задержал свой взгляд на мне. Не один я, видимо, ушел с этого совещания встревоженным. Слух о том, что кому-то предстоит снова отправиться в Афганистан быстро распространился в высших звеньях военного руководства. Узнав об этом и опасаясь, что выбор может пасть и на них, два известных военноначальника, ранее имевшие отношение к афганским делам, слегли в госпиталь. Скрывать нечего, после всего, что произошло в Афганистане, и после вывода советских войск, особого энтузиазма отправляться туда никто не проявлял, в том числе и пишущий эти строки. Одно дело, когда приходится терпеть лишения и рисковать жизнью в справедливой войне, выполнять воинский долг, оправданный в глазах общества. И совсем другое - отправляться на войну, которая заведомо объявлена преступной, испытывая тяжелый морально-политический гнет.

Но мне долго волноваться не пришлось. Уже на следующий день по указанию министра обороны меня вызвал к себе в кабинет вновь назначенный начальник Генерального штаба генерал армии М. Я. Моисеев, где уже сидел заместитель Министра обороны по кадрам генерал армии Д. С. Сухоруков и мне всё стало сразу ясно... Начальник Генштаба после небольшого вступления об обстановке в Афганистане, предложил мне отправиться туда во главе оперативной группы. За ночь я ко всему этому себя уже подготовил и поэтому коротко ответил: "Готов выполнить любое задание, которое на меня будет возложено".

Дело уже прошлое и скажу откровенно: я был в сложном положении. К тому времени у меня участились сердечные приступы и по состоянию здоровья, заключению врачей мне ехать в такую тяжелую командировку было противопоказано. Препятствовали этому и некоторые семейные обстоятельства. Но вместе с тем, ясно отдавал себе отчет в том, что означал бы мой

отказ от такой командировки. Это было бы воспринято и изображено самым негативным образом. Мне было 65 лет, все равно вскоре пришлось бы увольняться и заканчивать военную службу с самым неблаговидным имиджем. И поэтому я в беседах с начальством ни о болезнях, ни о других обстоятельствах не заикался, заранее зная, что ничего из этого не будет понято.

Некоторые знакомые отговаривали меня. Говорили: пусть тот, кто заваривал эту кашу, тот и расхлебывает, что ничего хорошего в Афганистане нас не ждет и, если со стотысячной группировкой войск ничего не удалось сделать, то тем более не на что рассчитывать после вывода советских войск. Советовали обо всем этом честно сказать руководству. Были и более резкие высказывания: "Ты идешь на явную авантюру". Один близкий фронтовой товарищ никак не мог понять, почему меня посылают уже на пятую в моей жизни войну, военную акцию (война против Германии 1941-1945 гг., война против Японии 1945 г., участие в Чехословацких событиях 1968 г., в Израиле - египетском противостоянии 1970-1971 гг., и теперь в Афганистан). В интересах дела было бы лучше "обкатать" в Афганистане кого-либо из молодых перспективных генералов и т.д. Во всем этом какой-то резон был. Но перспективные, обреченные на выдвижение генералы в послевоенные годы не особенно стремились в горячие точки и предпочитали нести службу в треугольнике - Москва, Киев, группа войск в Германии. И так ничего не испытав, ничего не изведав, кроме облегченной службы, взошли они на большие должности.

Что касается меня, то я, как и большинство офицеров нашей армии, легкой службы никогда не выбирал и решил до конца нести свой крест. На сборы и подготовку группы дали около недели.

Перед отъездом Д. Т. Язов после некоторых напутствий и лестных слов в мой адрес, спросил: "Ну как, не страшно туда ехать?" Я ему ответил: "Нам уже поздно бояться. В нашей роте в Ташкентском военном училище в 1941 г. было выпущено 119 офицеров и из них вернулись с войны только 26 человек. Остальные сложили головы в возрасте 18-20 лет. Мне же судьба после войны и так подарила еще более 40 лет и грех будет обижаться, если даже что-то случится со мной в Афганистане".

Затем Д. Т. Язов спросил: "Как реагирует жена, Тамара Ивановна?" - Мне ничего не оставалось, как пошутить: "Ваше решение об отправке меня в Афганистан она конечно не утверждает, но высшее руководство, видимо, скорее согласится с Вашим решением, чем мнением моей жены". Собственно в ее понимании сложившийся ситуации я не сомневался. За долгую

совместную жизнь она научилась не хуже меня осознавать необходимость стойкого перенесения тягот военной службы.

Перед отъездом состоялись также мои встречи с Председателем КГБ В. Крючковым, Министром иностранных дел Э. Шеварднадзе, Министром внутренних дел В. Бакатиным, начальником Первого Главного управления КГБ Л. Шебаршиным, руководством Главного оперативного, Главного разведывательного и 10 Главного управлений Генерального штаба, а также рядом других должностных лиц Министерства обороны, сухопутных войск и ВВС.

Особенно запомнились встречи с Э. Шеварднадзе и В. Крючковым. Первый принял меня очень тепло. Не скрывал трудности возложенной на меня задачи. Вместе с тем подчеркнул, что нам надо любой ценой сохранить дружественный нам Афганистан и заверял о своей поддержке в предстоящей работе. Труднее происходил разговор с В. Крючковым. Он сразу же заговорил о необходимости поддержки и налаживании контактов с президентом Наджибуллой и представителями КГБ в Кабуле. Я, пользуясь данными, полученными в Генеральном штабе, пытался объяснить, что отношения придется строить на принципиальной основе и что советскому руководству надо рекомендовать президенту Афганистана отказаться от недоверия к афганской армии. В частности, мне тогда представлялось ошибочным решение президента о выводе из Кабула 1-го армейского корпуса, который до этого оборонял город. На все это председатель КГБ сухо и бесстрастно заявил: "Если Вы с такими настроениями поедете в Афганистан, то рассчитывать Вам на успешную работу там нельзя". Далее он выразил неудовольствие неправильной позицией некоторых военных советников, работающих в Кабуле.

С моей стороны было сказано, что пока остаюсь при своем мнении, но если после более тщательного ознакомления с обстановкой на месте, моя позиция окажется ошибочной, то я упорствовать не намерен. Вместе с тем, высказал пожелание, чтобы и представители КГБ более внимательно относились к военным аспектам обстановки в Афганистане. Без укрепления армии и доверия к ней со стороны афганского политического руководства невозможно будет решать задачи противостояния вооруженной оппозиции. На этом мы расстались. Но как потом оказалось, отношение к армии было одним из самых трудных вопросов нашей работы с президентом и сотрудничества с представителями нашего КГБ.

В результате встреч и бесед с должностными лицами различных ведомств, занимавшихся делами Афганистана, ознакомления с донесениями представителей МИД, КГБ, Главного

разведывательного управления, военных советников, сообщениями иностранной прессы складывалась весьма удручающая картина о положении в Афганистане. Главная суть всех суждений, донесений и сообщений сводилась к тому, что моджахеды окрылены, значительно усиливаются и готовятся к решающим схваткам за власть, а правительственные круги Республика Афганистан в связи с выводом советских войск находятся в шоковом состоянии. И нет какой-либо надежды, что режим Наджибуллы может продержаться хотя бы несколько месяцев. Мне и Д. Т. Язов говорил: "Поработай там 2-3 месяца, а там посмотрим". Словом, все источники информации, как сговорившись, так нагнетали обстановку вокруг Афганистана, что меня не покидало ощущение, что моя миссия обречена на неизбежный провал.

Меньше всего меня беспокоила моя личная судьба, ибо военный человек к таким поворотам судьбы всегда должен быть готов. Больше тревожили судьба порученного дела, мысли о том, как добиться того, чтобы Республика Афганистан, куда столь уже вложено, могла одна, без помощи советских войск устоять перед новым отчаянным напором вооруженной оппозиции. Для любого генерала, военного руководителя самое страшное - это потерпеть поражение, не выполнить поставленную задачу. От тяжести нахлынувшей ответственности, тревоги, неопределенности и казавшейся тогда безысходности складывающейся обстановки - все мое сознание и нервы были напряжены до предела. Но вместе с тем, чувство ответственности и годами выработанные опыт и закалка помогали собрать себя в кулак, быть внешне спокойным и сосредоточиться на предстоящих делах. Забегая вперед, хочу сказать о том, что положение в Афганистане не во всем было таким уж безнадежным, как это тогда изображалось в Москве и в средствах массовой информации за рубежом.

6 февраля 1989 г. наша оперативная группа вылетела в Ташкент, а оттуда с бывалым опытным экипажем ВВС Туркестанского военного округа поздно ночью добралась до Кабула.

Как всегда при посадке на Кабульском аэродроме самолет сделал несколько кругов с тем, чтобы произвести постепенное снижение в горных условиях местности. И хорошо было видно, как в разных местах шла стрельба и трассирующие пули устремлялись вверх. Создавалось впечатление, что в городе идут бои. Но это была обычная стрельба вверх многочисленных часовых и сторожевых застав, охраняющих Кабул. С этой постоянной беспорядочной стрельбой с расходом большого количества боеприпасов пытались безуспешно бороться, но в

конечном счете пришлось ко всему этому привыкнуть.

На аэродроме нас встретил генерал армии В. И. Варенников с группой офицеров. Валентин Иванович был уже назначен заместителем министра обороны Главнокомандующим Сухопутными войсками и по должности и по воинскому званию был старше меня и поэтому мог и не встречать меня лично, а послать, скажем, начальника штаба своей оперативной группы генерал-лейтенанта В. А. Богданова. Но понимая, какие нелегкие дела мне предстоят и, видимо, желая с самого начала морально поддержать нас он все же счел нужным, несмотря на позднее время, лично прибыть на аэродром и встретить нашу группу. На военной службе такое подчеркнутое уважительное отношение к офицерской чести и достоинству имеет всегда большое значение.

А в данном случае оно способствовало налаживанию контактов между убывающей и вновь прибывшей оперативными группами и афганской стороной. Валентин Иванович и его офицеры ознакомили нас с обстановкой и помогли быстрее войти в курс дела, познакомиться с основными афганскими должностными лицами. Несколько дней мы вместе с генералом Варенниковым участвовали на заседаниях Ставки Верховного Главнокомандования, а затем уже перед отъездом все эти дела он полностью передал в мое ведение. Он же до конца продолжал руководить нанесением бомбо-штурмовых ударов по группировкам Ахмат Шаха и мне практически не приходилось вмешиваться в эти дела. На первой же встрече с Президентом - Верховным Главнокомандующим вооруженными силами Республики Афганистан Наджибулла неожиданно и в ироничной форме спросил: "Как же вы осмелились прибыть к нам в такое время, когда уже нет советских войск, как же мы будем держаться?"

Я ему сказал, что в русской армии издавна существует поговорка: "Хороший командир может и одного татарина построить в две шеренги". Будем стараться все вместе, как мусульмане, удваивать наши шеренги и напрягать наши силы до последней возможности. Подчеркнул также, что самое главное сейчас - активизировать работу в войсках, преодолевать настроения обреченности и внушить уверенность в способности Республики Афганистан устоять перед натиском оппозиции. В свою очередь он ознакомил меня со своим пониманием обстановки, рассказал о сложных противоречиях в НДПА, правительстве и армии.

Примерно через неделю генерал армии В. Варенников со своей группой убыл из Афганистана. А мне со своей группой и афганскими властями предстояло вступить в новую полосу

афганской жизни без советских войск. Рассмотрим, какой же она оказалась в действительности.

2. Тяжелый замах оппозиции и решающие испытания Республики Афганистан в 1989 году

Бывший командующий 40-й армией генерал-полковник Б. Громов пишет: "Вывод Ограниченного контингента явился, по сути, началом окончательного поражения правительственных войск. На завершающем этапе войны афганские части, в том числе и военно-воздушные силы, вели боевые действия по защите Кабула, Джелалабада и некоторых других крупных городов без нашей помощи всего несколько недель. После того, как оставленные 40-й армией трехмесячные резервы были исчерпаны, революционное правительство в Кабуле пало под натиском оппозиции"{30}.

Я давно знаю генерала Б. Громова как очень способного, энергичного военачальника, отношусь к нему с большим уважением и высоко оцениваю его заслуги, проявленные в Афганистане. Но думаю, что при написании этого места в книге его кто-то подвел. Тем более, что на стр. 338 книги по этому поводу сказано несколько иначе.

Достаточно сказать, что если бы в действительности дело обстояло так, как это сказано в приведенном выше высказывании и через несколько недель "правительство в Кабуле пало под натиском оппозиции", то как бы я и другие советники могли остаться в Афганистане в 1989-1990 годах, а после меня до конца 1991 года продолжал работать в Кабуле с оперативной группой генерал Н. Ф. Грачев?

Да нет, Республика Афганистан еще держалась и могла держаться. Так оценивал обстановку и посол СССР Афганистана Юлий Михайлович Воронцов, который встретил нас исключительно доброжелательно и много сделал для того, чтобы мы в возможно короткие сроки могли изучить политическую и экономическую обстановку в Афганистане.

После вывода советских войск из страны руководство Республики Афганистан продолжало настойчиво проводить начатый в 1987 г. курс на национальное примирение. В стране начала действовать новая Конституция и основанная на ней новая политическая система. Президентом Республики Афганистан был избран Наджибулла, который должен был осуществлять управление государством через коалиционный национальный Совет, являвшийся основным законодательным и исполнительным органом власти. Принят Закон о политических партиях и общественно-политических организациях, согласно которому в стране вводилась многопартийная система. К

народно-демократической партии Афганистана примкнули некоторые леводемократические группировки. Правда, толку от них было мало, так как они привнесли в партию новые раздоры, разногласия, преодоление которых отвлекало партию от решения главных задач по борьбе с оппозицией.

НДПА выразила готовность сотрудничать и с двумя вновь созданными партиями - "Крестьянская партия справедливости Афганистана" и "Исламская народная партия Афганистана". Было сделано предложение о формировании правительства и коалиционных органов управления на местах с включением в их состав представителей оппозиции и командиров вооруженных отрядов. В центральном правительстве им предоставлялось несколько министерских постов. За теми группировками, представители которых вошли в коалиционные органы управления, сохранялись автономия и право контролировать занимаемые районы. Население уездов и кишлаков могло сохранить свои органы и формы правления.

Однако практическое осуществление политики национального примирения сталкивалось с большими трудностями. Прежде всего примирение было возможно лишь при ответных или встречных шагах с другой стороны. Но оппозиция, расценив политику национального примирения и предложения о прекращении огня, как признак слабости правительства, не только не приняло предложений о примирении, но и прямо заявило об усилении борьбы с "коммунистическим режимом" до полного его свержения.

Одностороннее прекращение огня со стороны правительственных войск, в условиях когда моджахеды продолжали боевые действия, приводило лишь к снижению морального духа правительственных войск. С учетом всех этих обстоятельств с началом вывода советских войск из Афганистана для государственных органов и афганской армии складывалась тяжелая обстановка. Главное не было уверенности как поведут себя армия и другие силовые структуры. В ожидании самого наихудшего президент и правительство переместились на Кабульский аэродром с тем, чтобы быть готовыми при необходимости немедленно покинуть страну. В афганской армии участились случаи дезертирства. Многие чиновники государственных органов перестали выходить на работу и спешили установить связи с моджахедами.

Незадолго до завершения вывода советских войск США, Великобритания и другие западные страны отозвали из Кабула своих дипломатических представителей, ожидая падения правительства Наджибуллы. Один из лидеров оппозиции Ахмад

Шах даже назначил на 16 февраля прием иностранных послов в Кабуле уже в качестве главы государства и правительства{31}. Но прием, конечно же, не состоялся и борьба продолжалась.

После внимательного изучения сложившегося положения дел, проведения встреч с основными афганскими должностными лицами и нескольких выездов в воинские части Кабульского гарнизона мною было подготовлено и отправлено первое донесение в Москву на имя Министра обороны и начальника Генерального штаба, где была дана следующая оценка сложившейся обстановки.

Глава III.

Вооруженная оппозиция

После ухода советских войск военные действия в Афганистане велись между вооруженными формированиями моджахедов и вооруженными силами Республики Афганистан. В 1989 г. моджахеды пытались штурмом овладеть Джелалабадом, Хостом, а затем ворваться в Кабул. Вообще в этом первом году, когда в Афганистане не было советских войск, главный упор ими делался на решение задач путем военного давления или, выражаясь словами Лиделла Гарта, с упором на "прямые" лобовые действия.

В 1990 г., убедившись в бесплодности такого пути и не отказываясь полностью от военного давления, моджахеды стали больше полагаться на сочетание отдельных, хорошо подготовленных военных акций с целым комплексом "непрямых" действий, связанных с подрывом правительственных войск изнутри, блокадой и непрерывными обстрелами городов и гарнизонов.

Правительственные войска, с большим трудом отразив напор вооруженных формирований оппозиции в 1989 г., продолжали и в последующем в основном успешно противостоять им. Но в целом накал социально-политической, психологической и вооруженной борьбы не ослабевал, а ее внутреннее напряжение все больше возрастало.

Что же собой представляли вооруженные силы сторон и какие цели они ставили перед собой после ухода советских войск?

1. Военно-политические силы и вооруженные формирования оппозиции

Оппозиционные силы носили весьма разнородный характер. Наиболее полная (правда, политически несколько односторонняя) характеристика их состава, программных установок и целей дана в книге В. Н. Спольникова "Афганистан: исламская контрреволюция"{32}. С точки зрения социально-политической и идеологической направленности вырисовывались три основных

течения.

Первое - это проповедовавшие идею создания в Афганистане исламского государства. Но это течение не было однородным. Наибольшую активность проявляло фундаменталистское крыло, которое ставило своей целью теократическое устройство общества и государства на подобие хомейнистского Ирана. Они отражали идеологию реакционных кругов духовенства, мелкой и средней городской буржуазии и зажиточного крестьянства. Идейными наставниками и самыми агрессивными выразителями интересов фундаменталистов выступали крайне реакционные представители исламской организации "Братья-мусульмане", делавшие основной упор на террор и подрывные действия.

Другое крыло - исламский традиционализм отражал идеологию богословской верхушки, полуфеодальных слоев, крупной буржуазии и части крестьянства.

Второе течение представляли сторонники возвращения короля и реформации шахского режима. Их поддерживали главным образом крупные феодалы, бывшие высшие чиновники, умеренная часть духовенства, лишившиеся в 1973 г. (в результате антимонархического переворота М. Дауда) своих традиционных привилегий.

Третье течение - сторонники светского устройства общества и государства с прозападной ориентацией. Они стремились к созданию республиканского государства под зеленым знаменем Ислама. Это течение не имело своей четкой программы. Главная их установка состояла в капиталистической модернизации общества с широкими связями с западными странами.

В период нахождения в Афганистане советских войск все эти течения объединяли идеи "джихада" (священной войны) против "неверных" и захватчиков. Но исламские фундаменталисты понятию "джихад" придавали более широкий смысл как пожизненной религиозной обязанности мусульман бороться против "неверных". Когда же советские войска ушли, главный упор в пропаганде делался на возбуждение ненависти к сторонникам Республики Афганистан, как "прислужникам неверных". Мусульман, принимающих активное участие в джихаде с оружием в руках, называли "моджахедами" ("борцами за веру").

Следует иметь в виду, что так называемый исламский фундаментализм в Афганистане по своей сути выражал не столько религиозные воззрения, сколько установки политического Ислама. Вот эту сторону фундаментализма большинство мусульман, особенно среди суннитов, никогда не разделяло и не разделяет. Даже один из видных ученых

профессор теологии Б. Раббани признавал, что политический Ислам разделяет узкий круг университетских профессоров, студентов и некоторой части духовенства и интеллигенции.

Политический исламский фундаментализм объявлял своим противниками любых людей, не разделяющих их экстремистские установки. Как уже отмечалось в первой главе, исламские экстремистские силы боролись против любой власти, которая их не устраивает. Г. Хекматьяр откровенно говорил: "Наше вооруженное сопротивление началось с периода нахождения у власти Дауда, а не с военного вторжения русских. В тот период некоторые рекомендовали найти компромисс с Даудом, особенно, когда Дауд вынужденно, под давлением нашего сопротивления, отошел от коммунистов... Они рекомендовали использовать этот фактор и избрать компромисс. Мы снова утверждаем, что, если бы наше сопротивление во времена Дауда избрало путь примирения, то революция была бы подавлена и уничтожена"{33}.

Эти силы и сегодня, когда уже и в помине нет никаких "неверных", нет уже и их прислужников, все равно продолжают воевать.

В 1981 г. различные афганские оппозиционные партии объединились в "Исламский союз моджахедов Афганистана" (ИСМА). В этот Союз входили семь организаций:

1. Исламская партия Афганистана (ИПА) во главе с Г. Хекматьяром.

2. Исламская партия Афганистана во главе с Ю. Халесом, отколовшаяся от группировки Хекматьяра.

3. Исламское общество Афганистана (ИОА), лидер Б. Раббани.

4. Движение Исламской революции Афганистана (ДИРА), лидер Мансур.

5. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) во главе с М. Миром.

6. Исламский Союз освобождения Афганистана (ИСОА) во главе с А. Сайяфом.

7. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) во главе с Музиным.

Позже, вышедшие из ИСМА организации создали свой традиционалистский "Союз трех", в который вошли:

1. Национальный фронт спасения Афганистана (НФСА) под руководством С. Моджаддиди.

2. Национальный исламский фронт Афганистана (НИФА) во главе с С. А. Гилани.

3. Движение исламской революции Афганистана (ДИРА) под руководством Наби Мухаммади.

Некоторые отколовшиеся партии и группировки формально

сохранили принадлежность к Исламскому Союзу моджахедов и прежние названия партий потому, что при заключении Союза и принятии хартии единства в 1981 г. они в присутствии авторитетных улемов, в т. ч. прибывших из Саудовской Аравии, давали клятву на Коране: "Тот, кто изменит Союзу, будет считаться врагом Ислама и Родины".

Рассмотрим направленность деятельности некоторых из этих группировок.

Исламская партия Афганистана (ИПА). Эта партия фундаменталистского толка была создана Гульбеддином Хекматьяром на основе экстремистского крыла "Мусульманская молодежь" и свое организационное оформление получила на территории Пакистана. Общая численность вооруженных отрядов на территории Афганистана составляла 52700 чел., из них активно действующих около 27 тыс. Численность формирований в Пакистане - 12 тыс. человек. Главари наиболее крупных формирований - Сайд Мансур, Фарид, Мохаммад Башир. В программных документах этой партии подчеркивалось, что с точки зрения своей деятельности эта организация является полностью военной, основные элементы строительства которой составляют повиновение и порядок. Среди различных организаций оппозиция ИПА являлась наиболее мощной, решительной и хорошо организованной.

Партия конечной целью своей деятельности ставила распространение во всем мире учения ислама и Аллаха. Предусматривала всю жизнь общества строить на основе Шариата (священного писания). Она обещала крестьянам ликвидацию незаконного землепользования, крупные ссуды на освоение земли, семена для посевов и др. Для студентов, профессоров и рабочих - хорошую оплату труда. Но риторические призывы к справедливости и борьбе с угнетением в практической деятельности этой организации сопровождались крайней жестокостью в борьбе не только с "неверными", но и политическими противниками в лагере оппозиции, нетерпимостью и террором ко всякому инакомыслию, разрушениями школ, убийствами женщин, решивших получить образование или ходить с открытым лицом и другими проявлениями самого мрачного мракобесия.

ИПА имела наибольшее влияние в Кабуле, Кабульской провинции и в юго-восточных районах расселения пуштунских племен и частично на северо-востоке страны. По национальному составу большинство составляли пуштуны и таджики, но были также узбеки, туркмены и люди других национальностей. Сам Хекматьяр, хотя и был по национальности пуштуном, но являлся

уроженцем севера страны. (Родился в 1944 г. в провинции Кундуз). Он после окончания сельской школы учился в военном лицее в Кабуле, а затем на инженерном факультете Кабульского университета. С самого начала своей деятельности отличался крайне реакционными взглядами и экстремизмом в действиях, активно участвовал в ряде вооруженных выступлений против правительства Дауда, в убийствах и других террористических актах против демократически настроенной молодежи.

В 1974 г. бежал в Пакистан, где как и другие его сподвижники связался со спецслужбами этой страны, которые финансировали и поддерживали выступления против афганского правительства. Там же началось его соперничество с Б. Раббани, который выступил против вооруженной авантюры Хекматьяра.

В 1989-1990 гг. группировки ИПА вели активные боевые действия против правительственных войск под Джелалабадом, Кабульской провинции, в районах Кундуза, Баглана, Кунара, Нуристана и Бадахшана. Одновременно Хекматьяр имел постоянные вооруженные стычки с отрядами Ахмад Шаха. Он не раз заключал соглашения с отрядами ИОА о совместных действиях и также легко их нарушал, совершая внезапные нападения на них. Однажды в районе Кундуза было собрано совещание полевых командиров ИПА и ИОА. При возвращении с совещания в места своего базирования хекматьяровцы устроили засаду и уничтожили нескольких командиров Ахмад Шаха.

Одной из отличительных сторон военной деятельности Хекматьяра было умение наладить хорошую агентурную разведку, что позволяло ему неплохо знать, что делается в стане других оппозиционеров и правительственных войск. Он избегал боев в полевых условиях и вообще длительных, напряженных боевых действий с крупными силами противника. Основную ставку делал на подрывные действия, на подкуп и перетягивание на свою сторону отдельных подразделений правительственных войск, на внезапные нападения с предварительным проникновением в среду и тылы противника. Он имел немало своих людей в рядах афганской армии и в государственных структурах в Кабуле. И в целом, с этой стороны он представлял наибольшую опасность. Вообще Хекматьяра отличали исключительная целеустремленность, упорство и фанатизм в борьбе, изощренная хитрость, коварство и жестокость как по отношению к противникам, так и своим подчиненным. В его вооруженных формированиях многое держалось на страхе и примитивной политической демагогии. Поскольку Хекматьяр выделялся среди других лидеров оппозиции наибольшей непримиримостью и ненавистью к Советскому Союзу и Кабульскому режиму,

основанному на идеях апрельской революции, то США, Пакистан и некоторые арабские страны больше всего оказывали финансовую и военную помощь Исламской партии Афганистана.

Исламское общество Афганистана. Одно их фундаменталистских организаций, основанное профессором теологии Б. Раббани на базе Союза "Мусульманская молодежь". Оно являлось второй по численности и организованности организаций оппозиции после ИПА. Общая численность вооруженных отрядов на территории Афганистана - 48200 чел., из них активно действующих - 25300 чел., на территории Пакистана - 11000 чел. Главари наиболее крупных формирований Ахмад Шах Масуд, Туран Исмаил, Абдул Басир.

Программа и устав ИОА мало отличаются от соответствующих документов ИПА. Но в ИОА и в его вооруженных формированиях больше уделялось внимания объединению людей на основе религиозного влияния.

Б. Раббани родился в Файзабаде (центр провинции Бадахшан). По национальности таджик. Окончил теологический лицей и теологический факультет Кабульского университета. Затем, продолжал образование в Каирском университете Аль-Азхар, где попал под влияние организации "Братья-мусульмане". После возвращения в Афганистан он занимался преподавательской и общественной деятельностью, направляя основные усилия борьбе против "проникновения в страну коммунизма". Б. Раббани и его организация наиболее тесные связи поддерживали с арабскими мусульманскими деятелями Египта, Саудовской Аравии и в основном оттуда получали помощь. В отличие от ИПА, ИОА широко привлекало на свою сторону не только суннитов, но и шиитов. Поэтому пользовались и поддержкой иранских властей.

Основными районами действий вооруженных формирований ИОА являлись северные провинции страны: северные районы провинции Кабул, Панджшерская долина, Бадахшан, Баглан, Тахар, Кундуз, Саманган, Балх, Джаузджан, Фарьяб, Бадгис, Герат. По национальному составу большую часть членов ИОА составляли народности, населявшие эти районы - таджики, узбеки, туркмены, а также пуштуны. Социальную базу составляли представители средних слоев: мелкие чиновники, бывшие военнослужащие, учителя, студенты, религиозные деятели, крестьянство. По сравнению с Хекматьяром Раббани отличался большей образованностью, взвешенностью своих действий, был более прагматичным и гибким, склонным к компромиссу с исламскими традиционалистическими кругами и другими оппозиционными организациями.

ИОА больше уделяло внимания созданию в контролируемых районах органов гражданской власти - амиратов. Вооруженные формирования объединялись во фронты, состоявшие из нескольких отрядов. В отличие от Хекматьяра, который часто бывал на территории Афганистана и лично руководил наиболее крупными вооруженными акциями, Б. Раббани почти постоянно находился на территории Пакистана. Главное внимание он уделял общему политическому руководству, организации идеологического влияния и добыванию финансовых средств и оружия. Его командующие фронтами и полевые командиры на местах обладали относительной самостоятельностью в деле социально-политического устройства и ведения военных действий.

Особое место среди них занимал Ахмад Шах Масуд, действовавший в северо-восточных районах страны с опорной базой в Панджшерской долине.

Родился он в 1954 г. в уезде Панджшер провинции Парван в семье кадрового военного, дослужившегося до звания "полковник". По национальности таджик. После окончания Кабульского лицея учился на инженерном факультете Кабульского университета. Во время учебы сошелся с организацией "Братья-мусульмане". За антиправительственную деятельность был исключен из университета, перебрался в долину Панджшер и организовал там вооруженную группу, которая совершала дерзкие нападения на государственные учреждения. После разгрома группы и ряда неудач, перебрался в Пакистан, где поссорился с Хекматьяром и затем выехал в Египет. Есть данные, что он около двух лет воевал против Израиля в составе отрядов организации освобождения Палестины.

В 1978 г. вернулся в Пакистан, где встретился с Б. Раббани, вступил в ряды ИОА и во главе одного из вооруженных отрядов был направлен для борьбы против революционного кабульского режима. Так начался новый этап в его жизни, сделавшим его одним из видных и знаменитых лидеров вооруженной оппозиции. В Западной печати его нередко изображают как военного гения, моджахеда-победителя, "военным теоретиком исламской революции Афганистана" и т. д. Были и некоторые другие преувеличения его деятельности. Но справедливости ради надо сказать, что Ахмад Шах, безусловно, был и остается весьма одаренным руководителем афганской оппозиции. Он обладает незаурядным умом и хорошими организаторскими качествами.

Советские спецслужбы буквально охотились за ним, не раз устраивали диверсии и покушения на него, но они каждый раз оказывались безуспешными. А авторитет Ахмад Шаха возрастал.

Что его отличало как военного руководителя?

Во-первых, он с одной стороны не превращал военные действия в самоцель и строго подчинял их намеченным военно-политическим целям. С другой - с большим предвидением создавал социально-политические предпосылки для решения военных задач. Он стремился пресекать всяческие бесчинства в отношении местного населения. В контролируемых им районах строились и восстанавливались мечети, школы, медицинские пункты, дома для жителей, лишившихся крова, строились дороги, оказывалась помощь крестьянам семенами и удобрениями, в наиболее обездоленные населенные пункты завозилось продовольствие. Все это обеспечивало его отрядам поддержку и пополнение людьми.

Во-вторых, он много заботился об обучении и военной подготовке личного состава своих отрядов. С этой целью он создал учебные центры, подобрал хороших военных инструкторов из числа иностранных специалистов и военнопленных. В частности, один из советских военнопленных, которому дали имя Абдолло, занимался подготовкой пулеметчиков. Ему выделили дом, он женился и в 1989 г. имел уже троих детей. Иногда к нему тайно выходили с предложением бежать и вернуться на Родину, он категорически отказывался. Отряды Ахмад Шаха были хорошо обеспечены в материальном отношении. Он имел неограниченные возможности перехватывать автоколонны, идущие их Хайротона в Кабул и забирать необходимое количество боеприпасов, горючего и продовольствия.

В-третьих, в ходе подготовки и ведения боевых действий Ахмад Шах особое внимание уделял разведке. Когда правительственные органы осуществляли призыв на военную службу, он направлял своих представителей для службы в армии, войсках МВД и МГБ с тем, чтобы в каждом гарнизоне иметь своих людей.

Он и его сподвижники хорошо знали местность и местных жителей, которые постоянно информировали представителей Ахмад Шаха о всех передвижениях советских или афганских правительственных войск. Ахмад Шах неоднократно заявлял зарубежным и советским (российским) журналистам, что у него много агентуры в Кабуле.

Но разведка у него действительно была организована отменно. И постоянное знание обстановки плюс умение ее правильно оценивать, предвидеть ход развития событий позволяли ему выводить свои основные силы из под массированных ударов советских войск. Причем его вооруженные отряды не ограничивались партизанскими способами действий, а

когда необходимо было, умели стойко обороняться и в горных условиях местности.

В отличие от некоторых других лидеров вооруженной оппозиции, Ахмад Шах никогда не руководил боевыми действиями издалека, а принимал в них непосредственное участие. Он очень вынослив, вместе с охраной совершал большие переходы из одних районов в другие. Как правило, никогда не ночевал дважды в одном и том же месте, тщательно скрывал и дезинформировал о месте своего пребывания.

Наджибулла держал специальное звено самолетов для нанесения ударов по месту пребывания Ахмад Шаха. Данные об этом поступали довольно часто, неоднократно наносились удары, но всегда оказывались безрезультатными. Заслуга Ахмад Шаха состоит в том, что он с учетом особенностей Панджшерской долины и прилегаюших гор разработал гибкую тактику разнообразных способов действий, инженерного оборудования местности, устройства заграждений и умело сочетал упорную оборону с засадными и диверсионными действиями. Большими преимуществами обладали его отряды в ночных действиях.

Правда, при проведении советскими и афганскими правительственными войсками крупных операций отряды Ахмад Шаха не раз терпели поражение, изгонялись из Панджшерской долины. И если бы правительственные органы работали более предметно с населением и закрепляли в политико-экономическом отношении военные завоевания, то с Ахмад Шахом было бы покончено. Но его живучесть, как и других группировок моджахедов питала именно эта пассивность и слабость афганской государственной власти. А Ахмад Шах очень хорошо использовал все это в своих целях. В этом, собственно, и была главная суть неудач советских и правительственных войск, действовавших против него.

Разумеется, у Ахмад Шаха были и есть основания быть довольным собой. И мы должны отдать должное его воинской доблести. Но в последние годы в ряде своих заявлений он явно перебирает. В одном из своих интервью российским журналистам он просто куражился, похваляясь своей военной мудростью и изображая как беспомощно по сравнению с ним действовали советские генералы и офицеры. Есть в них и справедливые, хотя и горькие слова, но есть прямое бахвальство. Дело изображается так, что он одерживал одни победы и вообще не знал никаких неудач. Но даже в период, когда в Афганистане уже не было советских войск, Ахмад Шах, кроме удержания занимаемых районов, не решил ни одной из своих задач - ни по занятию Кабула, где он хотел устроить прием, ни Баграмского аэродрома,

ни Кундуза, ни Баглана, ни Саланга, ни Файзабада, ни одного крупного пункта, не смог полностью нарушить и подвоз грузов в Кабул и других задач.

Глава IV.

Вооруженные силы республики Афганистан

После ухода советских войск вся тяжесть задач по борьбе с вооруженной оппозицией легла на плечи афганских вооруженных сил. Они не были приучены к самостоятельным боевым действиям, были весьма рыхлыми в организационном отношении, слабо управляемыми, мало дисциплинированными и недостаточно надежными в морально-политическом отношении. Но в количественном отношении, с точки зрения технического оснащения они выглядели весьма внушительно и имели явное превосходство над вооруженной оппозицией.

1. Состояние вооруженных сил и характер боевых действий в 1989 году

В 1989 году афганские вооруженные силы в своем составе имели: личного состава около 329 тыс. чел. (армия - 165 тыс., МВД - 97 тыс. и МГБ - 57 тыс. человек), танков - 1568, боевых машин пехоты - 828, артиллерийских орудий и минометов - свыше 4880, боевых самолетов - 126, боевых вертолетов - 14.

В целом вооруженные силы Республики Афганистан, самостоятельно выполняя боевые задачи, уже в течение первого года после ухода советских войск в основном успешно противостояли вооруженным формированиям оппозиции и они, по существу, выиграли весеннюю и летнюю военные компании. Вооруженные силы обеспечили удержание занимаемых территорий, а в ряде районов расширили свои позиции и влияние госвласти. Из 28 центров провинций под контролем госвласти оставалось 26, под контролем мятежников 2 провинциальных центра (Бамиан, Толукан). Три бывшие провинции (Кунар, Каписа и Пактика) упразднены. Из 187 уездных центров под контролем госвласти было 114 уездов и 6100 кишлаков, под контролем мятежников 76 уездов и 15240 кишлаков соответственно около 7 млн. и свыше 10 млн. населения. Когда в официальных справках писали, что оппозиция занимает 85-90% афганской территории, то это тоже был чисто формальный подход, не отражавший реальное положение. Если говорить точнее, то 35-40% территории страны составляли никем не занимаемые горные и пустынные местности. В 1989 г. были отражены многократные наступательные действия противника под Джелалабадом, Гардезом, Газни, Кандагаром, Шиндандом, Файзабадом, севернее и южнее Саланга, вост. Суруби и в других районах. При этом правительственные войска в ряде случаев начали от пассивной

обороны переходить к более активным, наступательным действиям. В результате были освобождены или была восстановлена госвласть в ряде ранее утраченных уездных центрах (Зебаг, Рустак, Гуриан, Оба и др.). В результате контрудара в районе Джелалабада (в июле 1989 г.) была разгромлена крупная группировка противника вост. и юго-вост. города и восстановлено оперативное положение правительственных войск, существовавшее до перехода мятежников в наступление в начале марта.

Проводились неоднократные наступательные боевые действия по разгрому группировок противника и восстановлению захваченных противником участков коммуникаций севернее и южнее Саланга, вост. Суруби, в зоне Кабула, в районе Зебага и др. Проводка и прорыв колонны в Кандагар в сентябре этого года также осуществлялись путем проведения ряда наступательных боевых действий с целью уничтожения опорных пунктов противника на пути движения колонны и ликвидации его засад на флангах.

Некоторые командиры соединений и частей стали действовать тактически более искусно и активно. Это было особенно характерно для действий 25 пехотной дивизии по обороне района Хост. Командир этой дивизии генерал Фарук, несмотря на крайне ограниченные силы и средства и снабжение только по воздуху, умело вел разведку и, привлекая на свою сторону некоторые местные племена, проводил активные оборонительные действия.

Более частыми и активными стали засадные и диверсионные разведывательные действия в тылу противника. Были проведены ряд удачных действий под Кандагаром, Кундузом, Джелалабадом, Хостом, Кабулом. Более активный характер приобрела оборона Кабула, Джелалабада, Хоста, Кундуза и других районов. В ряде случаев активными действиями войск и упреждающими огневыми ударами удавалось срывать массированные обстрелы городов. Бомбо-штурмовыми ударами авиации и ракетными ударами по сосредотачивающимся группировкам противника были сорваны 8 его наступательных действий под Джелалабадом и 10 под Хостом. Неоднократно после таких ударов мятежники покидали исходные позиции, что приводило к срыву наступления моджахедов.

Таким образом удержание занимаемых позиций правительственными войсками достигалось не само по себе, а за счет своевременного выявления приготовлений противника, нанесения по нему упреждающих ударов и, как правило, в ходе напряженных и ожесточенных боевых действий с предельным напряжением сил и средств. Ряд важных пунктов и

оборонительных позиций под Джелалабадом, Хостом, Кандагаром, вост. Суруби, в районе Саланга, Зебага по несколько раз переходили то к противнику, то к правительственным войскам.

Но все же с убытием советских войск вооруженные силы Республики Афганистан должны были решать возложенные на них задачи в совершенно новых условиях. Прежде всего более решительные цели противника, возросший размах вооруженной борьбы и необходимость самостоятельного противостояния более крупным силам оппозиции делали значительно более сложными оборонные задачи, которые предстояло решать вооруженным силам.

Вместе с тем, с отводом в 1988 г. афганских вооруженных сил с приграничных районов, захватом оппозицией ряда новых районов, выводом из Афганистана 100 тыс. группировки советских войск, экономические и военные возможности правительственных войск значительно уменьшились. В целом соотношение сил изменилось и продолжало изменяться в пользу оппозиции. С учетом этого было ясно, что Республика Афганистан в стратегическом плане длительного военного противостояния с оппозиционными силами может не выдержать. И вообще только военный путь решения задач для Афганистана был бесперспективен. Поэтому требовалось основные усилия направлять на политическое урегулирование афганской проблемы. Но, как уже отмечалось, эта сторона дела решалась пассивно.

Правительственные вооруженные силы имели преимущество в техническом оснащении (авиации, количестве танков, артиллерии и других видах тяжелого оружия). В отличии от оппозиционных сил они носили регулярный характер и имели централизованное управление. Военные усилия оппозиции ослаблялись также острыми противоречиями между различными группировками и отсутствием согласованности в их действиях.

Приходилось реально учитывать и сложившиеся слабости правительственных вооруженных сил. Пассивность партийных и государственных органов в работе с населением, в улучшении жизни народа за счет внутренних ресурсов снижали заинтересованность личного состава в защите существующего строя и в сочетании с крупными недостатками в политической и идеологической работе предопределяли невысокую морально-боевую устойчивость войск.

Как известно, афганские войска и при совместных действиях с частями 40 армии крайне неохотно шли на активные действия... Теперь, когда приходилось самостоятельно решать боевые задачи,

очень трудно, а в ряде случаев было практически невозможно части правительственных войск переместить на поле боя с одного участка на другой или предпринять атаку или контратаку. Именно слабыми морально-боевыми качествами и боевой выучкой определялись неэффективность применения оружия и боевой техники (неумелое применение танков и боевых машин пехоты, нанесение авиацией бомбо-штурмовых ударов с высот 4-5 км, робкое использование боевых вертолетов, нежелание артиллеристов и других командиров выходить на передовые наблюдательные пункты, применение огнеметов и других огневых средств на предельных дальностях и др.).

Опыт боевых действий в районе южного Саланга еще раз показал неподготовленность афганской армии к ведению активных боевых действий. Плохо велась войсковая разведка, общевойсковые и артиллерийские командиры, авианаводчики уходили со своих наблюдательных пунктов и поля боя не наблюдали. В результате не достигалась должная эффективность ударов авиации и огня артиллерии, что не позволяло реализовать преимущества правительственных войск в вооружении и технике. Пехотные и танковые подразделения при первом же обстреле прекращали атаку, а к исходу дня начинали самовольно возвращаться в исходное положение, что нередко превращалось в бегство. Некоторыми постами и прилегающими к ним высотами удалось овладеть лишь в результате длительного огневого воздействия на противника с большим расходом артиллерийских и авиационных боеприпасов и проведения атаки специально подготовленными подразделениями из кабульского гарнизона.

Остро сказывалась всеобщая усталость личного состава и населения от войны, стремление любой ценой избавиться от тягот военного времени.

Тем более, что оппозиция с учетом опыта неудачных для нее боевых действий под Джелалабадом и Хостом все больший упор делала на подрывную работу среди правительственных войск, на их подкуп и переманивание на свою сторону. И оппозиции в ряде случаев удавалось достигать этих целей. При отправке в Джелалабад в середине мая 1989 г. оставшихся подразделений 15 танковой бригады и 37 десантно-штурмовой бригады половина из них (всего около 400 человек) по пути разбежались.

Особенно печальным и постыдным был случай с переброской танковой бригады из Термеза в Кабул. Афганским руководством при нашем содействии была проведена сложная, кропотливая работа по заключению соглашения с Советским Союзом об обучении очередной партии танковых специалистов в учебном центре в Термезе. Были осуществлены набор и призыв молодежи

для обучения на этих курсах. В течение 3-х месяцев их учили, снабжали всем необходимым. На полигоне проведены все положенные стрельбы, упражнения по вождению с расходом большого количества моточасов, боеприпасов, горючего и других материальных ресурсов. Большая группа советских офицеров занималась обучением афганских специалистов. Особенно большую работу по подготовке и экипировке бронетанковой техники и личного состава провел первый заместитель командующего войсками Туркестанского военного округа генерал-полковник Кондратьев Г. Г., командир 108 мотострелковой дивизии полковник Клынкин Ю. А., командир 5-й мотострелковой дивизии полковник Андреев В. В. И с точки зрения военно-профессиональной результаты были неплохие. Прошедшие курс обучения танкисты неплохо водили танки и стреляли из них. Для приема обученных специалистов в Термез вместе со мной прибыл вице-президент Афганистана генерал Рафи. По решению советского правительства афганской стороне были переданы 90 танков с полной экипировкой, которые были приняты афганскими экипажами. В результате была сформирована новая танковая бригада. Вице-президент Рафи провел строевой смотр бригады, с личным составом состоялся митинг с пламенными выступлениями руководства и заверениями окончивших курсы танкистов о верном служении афганской революции. В Кабуле готовилась торжественная встреча бригады, чтобы продемонстрировать населению, что оборона Кабула усиливается. Это было тем более важно, если учесть распространения слухов о том, что все резервы из Кабула отправлены в Джелалабад, Хост и поэтому оборона Кабула ослаблена. Бригада в конечном счете в Кабул прибыла, но с большим конфузом, о котором знали немногие.

Из 370 чел. танковых экипажей, которые обучались в Термезе, в составе танковой бригады в Кабул прибыли только 127 чел., остальные дезертировали. На каждом привале и ночлеге по несколько человек убегали. Главная причина происшедшего состояла в плохом отборе и изучении людей. Для обучения в Термезе набрали молодежь в основном из северных районов страны, которые уезжать из родных мест и воевать где-то под Кабулом или Джелалабадом не хотели. Часть людей, видимо, "подсунул" Ахмадшах с тем, чтобы подготовить для себя танкистов. Вторая причина - плохо были подготовлены служба и контроль за людьми на марше. Министр обороны Танай ссылался на то, что сроки начала марша с ним не были согласованы, хотя он знал о готовности бригады к отправке и в Термезе его офицеры принимали эту бригаду.

Некоторые афганские командиры опасались посылать свои подразделения в разведку, для устройства засад в тылу противника и других активных действий, ибо большинство из них не возвращались. Командующий оперативной группой "Центр" в районе южного Саланга послал в расположение противника 22 группы, из них вернулись только 7, задачу выполнили только две группы. Как только одному из батальонов 8 пехотной дивизии поставили задачу выдвинуться в район кишлаков (сев. Кабул) с целью уничтожения засевшего там противника, личный состав батальона почти полностью разбежался. Тоже самое случилось с двумя батальонами 3 дивизии "Царандоя". Подобные случаи имели место и в других районах.

Вместе с тем, как показал опыт боевых действий и мятежники не были способны к проведению операций крупного масштаба. Это объяснялось не только разногласиями между различными группировками, но и отсутствием организованного централизованного управления и материально-технического снабжения войск. В целом уровень военного искусства оппозиционных войск в оперативно-стратегическом звене был значительно ниже, чем у правительственных войск. В тактическом отношении, особенно в хитрости, инициативности действий на поле боя, умении приспосабливаться к местности, эффективности использования огневых средств, морально-боевой стойкости мятежные войска имели некоторые преимущества. Об этом свидетельствует и то обстоятельство, что количество сдавшихся в плен из числа правительственных войск в 3 раза больше, чем среди войск мятежников. Что касается количества убитых и раненых в боевых действиях под Джелалабадом, вост. Суруби, под Хостом и в районе Южного Саланга, то их у противника в 1,5-2 раза больше, чем в правительственных войсках.

Как в высших кругах, так и в низовом звене афганских вооруженных сил укоренилась трудно преодолимая слепая вера в некое "сверхоружие" (авиация, ракеты), которое могло бы решить все задачи без особых усилий с их стороны.

Во всех звеньях вооруженных сил была принижена ответственность за выполнение задач; апатия и безразличие тормозили, а в ряде случаев сводили на нет многие решения и распоряжения вышестоящих органов управления. На всех уровнях было немало людей, скрытно противодействующих мерам по повышению боеспособности и эффективности действий вооруженных сил. Подогретый религиозным фанатизмом моральный дух мятежников, как правило, был несколько выше, чем у правительственных войск.

С учетом этого основные средства вооруженной борьбы

приходилось применять прежде всего, исходя из соображений морально-психологического воздействия на противника. Оборона Джелалабада в значительной мере обеспечивалась переброской резервов из Кабула, массированным применением авиации днем и ночью, нанесением ударов ракетами Р-300 "Скад" и огнеметами по группировкам противника изготовившимся для перехода в наступление. В условиях мощной огневой поддержки части, оборонявшие город, проявили относительно высокую стойкость.

Войска мятежников, наступавшие на Джелалабад, периодически сменялись и хорошо снабжались. А правительственные войска, оборонявшие город против трехкратно превосходящих сил противника, были переутомлены и плохо снабжались.

Решение военных задач осложнялось также острым недостатком сил и средств, растянутостью и изолированным расположением основных группировок войск главным образом в крупных городах, перемешанностью соединений и частей трех военных ведомств (МО, МГБ, МВД) в одних и тех же районах боевых действий, разорванностью наземных коммуникаций.

При выводе советских войск правительственные вооруженные силы были вынуждены растянуть свои силы для обороны как ранее занимаемых ими объектов, так и районов, которые до этого обороняли советские части. Все танки и артиллерия оказались распыленными по постам. Во всех гарнизонах, в том числе в Кабуле, не было каких-либо резервов. При наличии более 1000 танков и 4 тыс. орудий и минометов, ни в одном гарнизоне не было в резерве ни одного танкового батальона и даже роты, не было ни одной артиллерийской группы, обеспечивающей массированное применение артиллерии.

Даже на имеющиеся самолеты, танки, БМП, орудия и другую боевую технику недоставало личного состава, подготовленных экипажей, расчетов. Укомплектованность большинства соединений и частей составляла 20-30 процентов. Из-за плохого технического обслуживания и несвоевременного ремонта в войсках от 30 до 50 процентов оружия и техники были неисправны.

Отрицательно сказывалось на эффективности применения авиации, артиллерии и других огневых средств, крайне недостаточное количество сил и средств войсковой разведки (совершенно не было средств воздушной разведки, разведывательные подразделения корпусов и дивизий кроме биноклей и некоторого количества бусолей не имели никаких технических средств разведки). К тому же они использовались не по назначению и были задействованы в большинстве своем на

оборонительных позициях и постах. Например, в обороне Кабула находилось 119 основных соединений и частей общей численностью до 60 тыс. чел., а на выполнении боевых задач (в том числе в авиации, ПВО, частях боевого обеспечения) было задействовано не более 25 тыс., остальной личный состав осел в центральном аппарате и его обслуживании.

В условиях отсутствия резервов для удержания важнейших районов каждый раз приходилось с большим трудом собирать личный состав в различных провинциях, формировать новые подразделения и направлять их на усиление осажденных гарнизонов. Туда же, в основном по воздуху, доставлялись пополнение, вооружение, боеприпасы и другие материальные средства. Одновременно принимались меры, чтобы осуществлять снабжение этих гарнизонов наземным путем с прокладкой, когда это необходимо, новых дорог по пустыне (от Баграма до Кабула, от Лашкаргаха до Кандагара), с выполнением большого объема инженерных работ как силами войск, так и государственных строительных организаций.

С большим напряжением применялась авиация. Боевой авиации приходилось совершать в сутки по 200-250 самолетовылетов, в наиболее напряженные дни до 300-400. Некоторые летчики делали по 5-6 и более вылетов в сутки. Ежедневно расходовалось от 300 до 500 авиационных бомб. С перегрузкой работала транспортная авиация. Так под интенсивным обстрелом противника в течение ночи осуществлялась посадка в Хосте 8-10 самолетов Ан-32 с боеприпасами. В ряде случаев Хост, Калат и другие гарнизоны снабжались боеприпасами при помощи парашютных систем.

В наиболее критические моменты в районы боевых действий систематически выезжали высший состав Ставки Главнокомандования, военных министерств, генштаба вместе с нашими военными советниками. Например, начальник генштаба генерал Делавар, как и А. М. Василевский во время войны, большую часть времени проводил в районах боевых действий.

В целом в организации, боевом применении и в системе управления вооруженными силами продолжали иметь место существенные недостатки, которые серьезно ослабляли их боеспособность и эффективность боевых действий.

Во-первых, крайне не совершенным было управление, когда ведущие совместные боевые действия войска трех военных ведомств не имели единого управления. У Ставки ВГК не было своего органа, способного осуществлять координацию их боевых действий. Попытки президента осуществлять управление через генштаб, подчиненный Министру обороны, в полной мере не достигали своей цели. Каждое ведомство самостоятельно снабжало свои войска всеми видами довольствия.

Министр обороны и генштаб в полном объеме вопросы управления не охватывали, а министры госбезопасности и внутренних дел, практически осуществляли лишь комплектование и снабжение своих войск, а боевым управлением вообще не занимались. Все это, а также слабый контроль и всеобщая низкая исполнительность тормозили реализацию принимаемых решений, отрицательно сказывалось на эффективности действий войск. Нетребовательность, стремление не обострять отношений, заигрывание со своими сторонниками приводило к тому, что за невыполнение приказов и даже оставление позиций никто никакой ответственности не нес. Принятые решения и отдельные распоряжения, как правило, удавалось выполнять только после многократных напоминаний и постоянного нажима.

В условиях ведения войны наиболее правильным было бы назначение министра обороны заместителем ВГК и осуществление Ставкой оперативного управления вооруженными силами (всех трех военных ведомств) через генштаб. Наджибулла в принципе с этим согласился, но пока воздержался от этого шага только с целью того, чтобы в существующей сложной обстановке не обострять внутрипартийных отношений.

Одним из самых слабых мест в системе управления и боевого обеспечения была разведка, что резко снижало эффективность применения авиации, ракет и артиллерии, вызывало повышенный расход боеприпасов. Нами совместно с афганским генштабом был проведен ряд инструктивных и показных занятий по организации и ведению разведки. Проведены тренировки со штабами Кабульского гарнизона и ряда соединений по управлению силами и средствами разведки, сборы с офицерами-корректировщиками, занятия с экипажами боевых разведывательных машин, осуществлен и ряд других мероприятий. Однако афганское командование и штабы все же слабо занимались вопросами организации разведки, далеко не полностью использовали имеющиеся средства. Многие разведывательные подразделения использовались не по назначению. Ощущался острый недостаток в технических средствах разведки.

В связи с этим, наряду с принятием мер по улучшению разведки в Афганистане, мной докладывалось в Москву о необходимости извлечения опыта и для Советской Армии и более объективной оценки эффективности средств разведки, особенно в горных условиях. На учениях, проводимых в советских войсках, самолеты-разведчики обычно вели воздушное фотографирование на малых высотах и получали сравнительно удовлетворительные снимки. Но в боевой обстановке (даже при ограниченных средствах ПВО у мятежников в Афганистане) вести разведку с таких высот было невозможно (самолеты немедленно сбивались). При ведении фоторазведки с больших высот, при масштабе 1:6000, огневые средства противника не выявлялись. Ограниченные возможности средств разведки в горных условиях были установлены еще в период нахождения здесь советских войск. Поэтому практически было нечем засекать реактивные снаряды и другие огневые средства противника. Сравнительно положительные результаты давала радиоразведка, но и она не охватывала все диапазоны частот, в которых работали радиосредства моджахедов. Мы обращались с просьбой прислать в Афганистан более современные средства разведки.

Но эти просьбы не были удовлетворены.

Глава V.

Важнейшие события и боевые действия

1. Оборона Кабула

Для судеб Республики Афганистан особое значение имело удержание столицы государства. Потерю, скажем Джелалабада, Кандагара или Герата тяжело, но как-то еще можно было бы пережить, но с падением Кабула рушилось все государство, возникшее после революции 1978 г. Моджахеды, судя по всему, понимали это и придавали большое значение захвату Кабула. Но, видимо, в какой-то степени и недооценивали возможность и значение решения этой задачи. Если бы они в самом начале 1989 г. не распыляли свои силы по всей стране и договорились между собой о сосредоточении главных усилий для более прочного блокирования и овладения Кабулом, то они имели бы серьезные шансы на успех.

Но как стало ясно позднее, вооруженная оппозиция не собиралась брать Кабул штурмом. Главную ставку она делала на подрывные действия, на своих сторонников внутри города. Цель состояла в том, чтобы перетянуть на свою сторону некоторые посты на подступах к городу, вызвать мятеж и волнения внутри города и в этой обстановке внезапно скрытно проникнуть в город и захватить его важнейшие объекты. Такая акция могла иметь успех сразу после ухода советских войск. Но моджахеды решили

нанести первый удар по Джелалабаду и время было упущено.

Но по прибытии в Кабул в начале февраля 1989 г. мы ожидали наихудшего. Во всяком случае нельзя было исключить и прямого наступления на город в сочетании с подрывными действиями, поскольку в тот период моджахеды имели для этого благоприятные возможности. Поэтому в первую очередь занялись изучением охраны и обороны Кабула. Еще до того, как покинул Афганистан генерал Варенников, я вместе с начальником Кабульского гарнизона генералом А. Лудином выехал на передовые позиции северо-западнее Кабула. Меня привезли на хорошо оборудованный участок обороны, который был подготовлен еще советскими войсками, как образцовый опорный пункт, и его показывали всем высокопоставленным руководителям во время их наездов в Кабул. Было видно, что он недавно обновлен. Как мне объяснили, эту оборонительную позицию готовили для показа генералу Д. Т. Язову во время его посещения Кабула в январе 1989 г., но он так туда и не приехал.

Мы с генералом А. Лудином побывали и на некоторых других оборонительных позициях. Как и следовало ожидать, последние по своему инженерному оборудованию мало были похожи на образцовый участок и даже там, где были оборудованы подразделениями 40-й армии, начали разрушатся. Железные печки вывезли в Кабул. Некоторые блиндажи были почему-то разобраны. Из-за отсутствия топлива обшивки траншей и деревянные перекрытия использовались для разведения костров, приготовления пищи и обогрева личного состава. Часть древесных материалов целыми связками и на машинах отправлялись на городские рынки для продажи.

Но самым удивительным и неожиданным для меня оказалось то, что на многих оборонительных позициях и постах почти никого не было. Даже на "образцовом опорном пункте" с трудом, после длительного поиска, мы нашли одного солдата, который, забаррикадировав вход в блиндаж железными кроватями, спал в углу на полу. Свое оружие и еще несколько автоматов он спрятал под кучей матрасов и подушек. Выяснилось, что данный пост должен оборонять взвод, в котором числилось 12 человек. По словам этого солдата командир взвода еще вчера убыл по вызову командира роты, взяв для своего сопровождения нескольких солдат. Остальные солдаты ушли в соседний кишлак для покупки продуктов. Кстати, когда мы проехали к тому месту, где должен был находиться командир роты, мы там застали только двух связистов, которые сказали, что командир роты убыл к командиру батальона. Примерно такая же картина была и на других участках.

Генерал А. Лудин заверил меня, что просто мы приехали в неподходящее время и все, что мы видели, это случайное стечение обстоятельств. Откровенно говоря, я был в тревоге. Но генерала Варенникова не стал расстраивать подробностями увиденного. Было просто неудобно после первой же кратковременной поездки делать какие-то обобщающие выводы, да еще перед самым его отъездом из Кабула. Теперь ответственность за все это лежала на мне и надо было самому, не полагаясь ни на кого, вместе с афганским командованием более основательно разбираться с положением дел.

Но задача организации обороны Кабула оказалась более запутанной и сложной, чем мы предполагали. Главная трудность состояла в том, что после снятия с обороны Кабула советских частей у афганского командования не было достаточных сил и средств для надежной охраны и обороны Кабула. Дело усугубилось тем, что еще накануне вывода советских войск президент Наджибулла, не доверяя армейским частям, вывел из Кабула и направил в Джелалабад основные части 1-го армейского корпуса, которые казалось бы составляли основную силу, оборонявшую Кабул, о чем нам пришлось разговаривать с председателем КГБ В. А. Крючковым перед моим убытием в Афганистан.

В этих условиях еще до окончания ухода советских войск из Кабула были наспех сформированы части так называемой "национальной гвардии", на которых была возложена оборона Кабула. Для военнослужащих гвардии (с целью их большой заинтересованности в службе) были установлены довольно высокие оклады. Для обороны Кабула были привлечены и некоторые племенные части, перешедшие на сторону государственной власти. Поскольку в гвардии людей не хватало, приходилось направлять для обороны Кабула, некоторые части из других ведомств. Подразделения гвардии в обороне должны были поддерживать армейская артиллерия и авиация. Но все эти части, не относящиеся к гвардии, получали денежное содержание в несколько раз меньше чем гвардия, что с самого начала вызывало недовольство и различные осложнения.

Но самое парадоксальное состояло в том, что оборона Кабула была всецело возложена на гвардию, подчиненную министру государственной безопасности. Чувствовалось, что такое решение принято с подачи представителей нашего КГБ, которые больше заботились о внутренней безопасности президента, чем об угрозе Кабулу. Министр обороны, генштаб и министр внутренних дел были по существу отлучены от задач обороны Кабула. Министр обороны, например, отказывался выделять артиллерию, авиацию

и свои резервы для обороны Кабула. Начальник Кабульского гарнизона, которого в последующем назвали командующим обороны Кабула, не имел никаких сил и средств, которые бы полностью ему подчинялись. Даже частями гвардии он не мог распорядиться без ведома министра госбезопасности.

Таким образом дело оказалось таким запутанным, что хотя в Кабуле и имелись силы (до 60 тыс. военнослужащих), но использовать их для обороны города было невозможно. Получилось, что за оборону города, кроме президента и начальника гвардии, никто не отвечал. На каждом заседании Ставки Верховного Главнокомандующего все перечисляли недостатки обороны города и никто за них не отвечал.

Было ясно, что оставлять в таком виде организацию обороны Кабула нельзя. Нужно было как-то развязывать этот искусственно запутанный узел, который парализовал управление, сковал имеющиеся силы и средства и делал столицу государства по существу беззащитной. С учетом сложившегося положения были рассмотрены и обсуждены различные варианты решения задачи. Была возможность поручить оборону города армии, подчиненную министру обороны, но этого из-за политического недоверия не хотел президент. С целью привлечения к обороне Кабула армейских частей попытались сделать командующего обороной Кабула заместителем министра обороны, но все равно последний не разрешал ему распоряжаться армейскими частями, тем более, что он был человеком президента и министр обороны генералу Лудину не доверял. Наконец прорабатывался вариант, по которому предлагалось оборону Кабула выделить в отдельную военную структуру, не подчиненную ни одному из силовых министерств, выделив для нее необходимые войска из ведомств и наделив командующего обороной Кабула функциями первого заместителя Верховного Главнокомандующего вооруженными силами республики. Но в этом случае для новой структуры, становящейся еще одним самостоятельным военным ведомством, нужно было создавать свои тылы, базы снабжения, части обеспечения и другую инфраструктуру, на что реально не было необходимых сил и средств.

К тому же такая сложная реорганизация могла стать одним источником противоречий, конфронтации, еще больше осложняя и без того ненадежную оборону афганской столицы.

При проработке этих вариантов и поиске оптимального решения пришлось по многу раз встречаться с президентом, с его заместителями, министрами военных ведомств, начальником генштаба, нашими представителями при этих ведомствах.

Вопрос обороны Кабула не раз обсуждался и на заседании

Ставки Верховного Главнокомандующего. После мучительных поисков и долгих споров по нашему предложению было бы принято решение разделить оборону Кабула на три зоны, поручив их оборону войскам министерства обороны, министерства внутренних дел и министерства госбезопасности. В таком решении тоже были свои слабые места, ибо дело обороны Кабула надо было в конечном счете объединять Верховному Главнокомандующему. Командующим обороной Кабула был назначен вице-президент, первый заместитель Верховного Главнокомандующего генерал Рафи, который должен был управлять войсками, опираясь на штаб гарнизона.

Но положительная сторона принятого решения состояла в том, что каждый из военных министров, располагавший реальными силами и средствами, нес ответственность за оборону назначенной ему зоны. Если раньше любые требования Наджибуллы о выделении сил и средств для обороны Кабула встречало со стороны соответствующих министров бесконечные отговорки и невозможность выделить силы и средства, то теперь, имея конкретную задачу и неся ответственность за ее выполнение, каждый из них был больше заинтересован в надежности обороны своей зоны и выделении для этого необходимых войск. Во всяком случае Верховному Главнокомандующему было с кого конкретно спросить за состояние обороны.

После того, как было принято решение и отдан приказ об организации обороны Кабула, произведено распределение сил и средств, в марте 1989 года мною было предложено президенту провести под его руководством командно-штабную тренировку по обороне Кабула примерно по такой методике, как это мы обычно делали во время второй мировой войны при переходе к обороне. Был составлен план тренировки и подготовлены необходимые распоряжения с тем, чтобы сохранить в тайне распоряжения, которые предстояло отдавать, все документы мне пришлось исполнять лично самому. Перевод документов осуществлял переводчик подполковник Геннадий Клюкин.

В назначенный день рано утром мы с президентом прибыли на командный пункт гарнизона и вручили боевое распоряжение о проведении войск Кабульского гарнизона в полную боевую готовность. Затем отдавались распоряжения о нанесении ударов авиацией, открытии огня артиллерией по определенным участкам, о выдвижении резервов и военно-учебных заведений в назначенные районы и рубежи.

Офицеры нашей оперативной группы вместе с афганскими должностными лицами выезжали на места и проверяли

практическое выполнение отданных распоряжений. В результате выявилась полная неподготовленность всех министерств и войск гарнизона к выполнению возложенных на них задач. Штаб гарнизона был совершенно не подготовлен к управлению войсками. Вместо коротких распоряжений и сигналов велись длительные и многословные переговоры, связь работала с перебоями. Сигналы о приведении войск в полную боевую готовность до многих соединений и частей, военно-учебных заведений, управлений центрального аппарата не были доведены.

Когда мы с президентом прибывали в некоторые учреждения и части, они жили обычной мирной жизнью и ни о чем не подозревали. Личный состав не имел оружия, не знал своих задач. На одном из учебных центров шел концерт самодеятельности. Некоторые части и учреждения не выдвинулись на назначенные рубежи и районы или вышли с опозданием после дополнительных распоряжений и требований. Чрезмерно много времени заняли вызов авиации и огня артиллерии. Точность нанесения ударов была низкой. Выявилось немало и других недостатков.

Мы помогли президенту Наджибулле собрать и обобщить данные по проведенной командно-штабной тренировке и подготовили разбор. На разборе президент проанализировал допущенные упущения и дал конкретные указания о проведении дополнительной работы по организации обороны Кабула и проведении командно-штабных тренировок в зонах обороны всех министерств, в учреждениях и военно-учебных заведениях центрального назначения.

В последующем подобные тренировки в Кабуле проводились через каждые 2-3 месяца, что позволило добиваться более организованных и четких действий органов управления и войск. В целом ценой огромных усилий удалось добиться определенной системы и устойчивости в организации обороны Кабула. Но по-прежнему было еще много нерешенных задач и пробелов. Основная беда состояла в том, что командиры соединений и частей повседневно не занимались подготовкой подчиненных подразделений к действиям в обороне, отвлекались на посторонние дела и не поддерживали постоянную и должную боевую готовность своих соединений и частей. Вообще боевая дисциплина оставалась недопустимо низкой. Многие офицеры и солдаты ночью покидали посты, ослабляя охрану и оборону города.

Предпринимались также меры, чтобы сделать оборону Кабула более активной. Велась систематическая (правда, не всегда достаточно результативная) разведка. И при обнаружении

крупных скоплений группировок моджахедов на подступах к Кабулу по ним наносились массированные авиационные и артиллерийские удары, что позволяло неоднократно срывать попытки противника предпринять наступление против войск гарнизона. Моджахеды стремились внезапными атаками (чаще всего ночью) овладеть господствующими высотами вокруг Кабула и нередко это им удавалось. Правительственные войска готовили и проводили частные наступательные боевые действия с целью восстановления утраченных позиций и расширения зоны обороны Кабула. Позже с учетом опыта организации обороны Кабула были проведены проверки и занятия по обороне в других гарнизонах и в войсках, обороняющих маршруты подвоза Хайротон - Кабул и Кабул - Джелалабад.

Особенно тяжелые бои пришлось вести в районе Пагмана (сев.-зап. Кабула). К моменту вывода советских войск из Афганистана уездный центр Пагман и его кишлачная зона находились в руках мятежников. Правительственным войскам из-за недостатка сил не удалось занять и закрепить сторожевые посты и заставы вокруг Пагмана, занимавшиеся советскими войсками.

С февраля 1985 г. позиции мятежников сев.-зап. Кабула находились в 8-10 км от центра столицы. Ими проводились интенсивные инженерные работы по укреплению района Пагман. Мятежники перешли в районе Пагмана к жесткой, позиционной обороне.

Руководство вооруженной оппозиции рассматривало район Пагман как важный плацдарм для нападения на Кабул. Из этого района осуществлялось 60% обстрелов г. Кабула. Группировка мятежников в уезде Пагман насчитывала около 55 групп (отрядов) общей численностью до 3,5 тыс. человек. На вооружении у мятежников имелось орудий и минометов различных калибров - около 170 ед.; пусковых установок реактивных снарядов - 75-80 ед.; средств ПВО - 140-150 ед.; до 120 ед. безоткатных орудий, противотанковых управляемых снарядов "Милан" и других противотанковых средств.

В ходе боевых действий в зону обороны Кабула из Пакистана и других районов Афганистана было дополнительно переброшено около 2 тыс. мятежников.

Практически в каждом отряде мятежников имелись арабские наемники и пакистанские советники. В районе Пагмана противник имел 25 складов боеприпасов и 20 продовольственных складов (хранилищ), оборудованных под землей и в горах и трудноуязвимых для ударов артиллерии и авиации. На этих складах и непосредственно в отрядах было сосредоточено

большое количество боеприпасов, обеспечивающих ведение боевых действий в течение нескольких месяцев.

Основу оборонительных позиций мятежников составляли бетонно-каменные сооружения закрытого типа для ведения огня, наблюдения, а также подземные галереи, туннели для маневра силами и средствами и укрытия личного состава. Практически на каждой высоте ниже гребня на 100-150 м отрывались окопы и ячейки для стрелков, оборудовались позиции для средств ПВО, артиллерии и пусковые установки РС. Окопы и ячейки соединялись между собой траншеями глубиной 50-60 см. На обратных скатах высот также отрывались окопы для стрелков и небольшие пещеры (размер 5х2х1,5 м) для складов и укрытия для личного состава. Все гражданские строения были приспособлены к обороне.

Пуски реактивных и зенитных ракет осуществлялись, как правило, с выносных площадок подземных сооружений или подвижных пусковых установок, которые после пуска немедленно уходили в укрытия, расположенные в глубине.

Подступы к высотам и лощины прикрывались плотными минными полями и управляемыми по проводам и радиосигналами фугасами.

В целом противником в районе Пагмана была создана сильно укрепленная и глубоко эшелонированная оборона глубиной до 10-15 км с большим количеством огневых средств для обстрелов Кабула. Лидеры оппозиции придавали большое значение удерживанию района Пагмана.

Учитывая большую опасность для Кабула плацдарма и группировки противника в Пагмане, Ставкой ВГК было принято решение о проведении наступательных действий с целью разгрома этой группировки мятежников и освобождения центральной части Пагмана.

Боевые действия в районе Пагмана можно разделить на два этапа.

На первом этапе планировалось осуществить разгром противника на подступах к Пагману и овладеть кишлаками и рядом господствующих высот в близи захватываемых кишлаков, а также блокирование основных маршрутов подхода резервов и подвоза боеприпасов и материальных средств с южного, юго-западного и северного направлений.

На втором этапе предусматривалось блокирование ущелий Дарразаргар, Пагман, овладение господствующими высотами с севера, северо-западного и южного направлений и разгром мятежников в Пагмане и прилегающей к нему кишлачной зоне.

Наступательные боевые действия правительственных войск

начались 10 апреля 1990 года. На первом этапе (10 апреля-10 мая) для выполнения этой задачи привлекались подразделения Национальной Гвардии и 10 пехотных дивизий МГБ; всего около 1,4 тыс. чел., 54 орудия и миномета, 30 танков, боевых машин пехоты и другая техника и вооружение. Боевые действия поддерживались в среднем 25-30 самолетовылетами в сутки.

На втором этапе (10 мая-26 июня) к боевым действиям в районе Пагмана были дополнительно подключены подразделения пяти батальонов МГБ, 53-й пехотной дивизии генерала Дустума, переброшенные с севера Афганистана. С началом наступления правительственных войск наиболее ожесточенные боевые действия развернулись в районах кишлаков Исахейль, Пушта и Дарразаргар. Вследствие недостатка сил и средств первоначально планировалось последовательное овладение опорными пунктами противника после короткой артподготовки и ударов авиации в сочетании с внезапными атаками. Однако нередко части переходили в атаку не одновременно, что позволяло противнику сосредоточить огонь по наиболее активно действующим подразделениям и останавливать их наступление.

Бои за овладение кишлаками в южной части Пагмана продолжались 30 суток. За это время правительственные войска продвинулись вперед на 5-6 км окружили район Додомаст и овладели опорными пунктами в восьми кишлаках. Но им не удалось овладеть ключевым опорным пунктом, превращенным в крепость, в районе Додомаст, где мятежники в полном окружении продолжали обороняться более 15 суток, затрудняя действия правительственных войск.

Практически каждый кишлак, каждую высоту и опорный пункт приходилось брать после осады и массированного огневого бомбо-штурмового подавления противника.

Атака укрепленных оборонительных рубежей и позиций пехотой осуществлялась в пешем порядке, так как подступы к опорным пунктам имели сплошное минирование и каждая попытка атаковать на боевых машинах пехоты и бронетранспортерах при поддержке танков отражалась противником. При этом подразделения не развертывались в линейные боевые порядки, действовали мелкими и отдельными группами, приспосабливаясь к местности. Такой характер боев несколько сокращал потери, но приводил к затягиванию боевых действий.

На втором этапе с подключением более крупных сил ряд наступательных действий было проведено с развертыванием подразделений в боевой порядок, когда танки действовали непосредственно в боевых порядках пехотных подразделений,

поддерживая их огнем.

В результате упорных боев правительственные войска сломили сопротивление противника и продвинулись на глубину до 10-15 км. В итоге к 25.06.90 г. они завершили разгром важной группировки противника, овладели уездным центром и кишлачной зоной вокруг Пагмана.

Как и в прежних наступательных действиях в других районах Афганистана, правительственные войска в боях за Пагман шли в атаку только при практически полном огневом подавлении противника. При малейшем сопротивлении со стороны мятежников наступление останавливалось и возобновлялось только после дополнительной огневой подготовки и под большим нажимом и принуждением.

Опыт боевых действий еще раз подтвердил, что при большой насыщенности обороны противотанковыми средствами, успешное применение танков и боевых машин пехоты в наступлении возможно только при надежном огневом подавлении обороны противника и стремительном их движении в атаку от укрытия к укрытию. Эффективность артиллерийского огня и ударов авиации снижалась из-за слабой разведки, а также действий авиации с высот 5-7 км. При большем снижении самолетов они поражались переносными зенитно-ракетными установками противника, выявление и уничтожение которых в подземных сооружениях оказалось весьма сложной задачей.

Создание импровизированных разведывательно-ударных комплексов (разведывательный самолет Ан-30 с артиллерийскими наблюдателями и авианаводчиками и дежурное звено ударных самолетов) позволяло более оперативно выявлять и наносить бомбо-штурмовые удары и вести артогонь по огневым средствам мятежников. С целью затруднения противнику подвоза боеприпасов широко применялось минирование местности авиацией и артиллерией.

Сравнительно высокую боевую выучку показала артиллерия. Учитывая необходимость поражения целей как на передних, так и обратных скатах высот создавались смешанные артиллерийские группы, включающие в себя пушки, гаубицы и минометы. Отсутствие средств засечки реактивных снарядов и других огневых средств противника в условиях горной местности затрудняло ведение контрбатарейной борьбы.

В условиях разряженного горного воздуха увеличивалась дальность стрельбы артиллерии: 120 мм минометов - с 5,4 до 7,2 км; реактивных систем "Ураган" - с 34 до 41 км, 122 мм гаубиц с 15,4 до 17,2 км.

Всего в районе боевых действий подвергалось поражению

артиллерией 89 опорных пунктов противника общей площадью 289 га, артиллерийских батарей групповых огневых точек - 9, пунктов управления - 11. Авиация наносила удары по объектам в глубине.

Глава VI.

Афганцы и мы

1. Организация военного управления и высшее афганское военное руководство

Для мобилизации всех сил и ресурсов страны в интересах обороны и руководства всеми государственными органами, занимающимися оборонными вопросами, в Республике Афганистан до мая 1990 г. существовал Высший Совет обороны Родины.

В Совет обороны входили: Наджибулла (председатель, президент), Абдул Рахим Хатеф (первый заместитель), Султан Али Кештманд (заместитель, премьер-министр); члены Совета: Шах Наваз Танай (министр обороны), Мухаммед Аслам Ватанджар (министр внутренних дел), Гулям Фарук Якуби (министр государственной безопасности), Мухаммед Рафи (вице-президент), Абдул Вакиль (министр иностранных дел), Ниаз Мухаммед Моманд (секретарь ЦК НДПА), Наджимуддин Кавьяни (госсекретарь), Мир Сахеб Карваль (секретарь ЦК НДПА), Мухаммед Асеф Делавар (начальник генерального штаба), Хабдар Масуд (госсекретарь), Фарид Маздак (секретарь ЦК НДПА), А. Лудин (командующий обороной Кабула), Кадыр Ака (командующий ВВС), Назар Мухаммед (госсекретарь по делам призыва), Сулейман Лаек (министр племен), Дауд Размьяр (первый секретарь Кабульского обкома НДПА), И. Тухи (помощник президента), Абдул Хак Олюми (секретарь Совета обороны).

В последующем предусматривалось, что важнейшие оборонные вопросы должны решаться Лойя Джиргой (Высшим Советом авторитетов). Но все эти органы существовали лишь формально и собирались периодически.

В действительности решения по наиболее важным военно-политическим вопросам принимались на Политическом бюро ЦК НДПА и на пленумах ЦК НДПА. Практически, повседневные вопросы руководства оборонными делами и вооруженными силами решались Ставкой Верховного Главного командования вооруженными силами Республики Афганистан. Председателем Ставки и Верховным Главнокомандующим вооруженными силами был Наджибулла.

В состав Ставки Верховного Главнокомандования, кроме председателя, входили: первый заместитель Мухаммед Рафи,

министр обороны Шах Наваз Танай, министр внутренних дел Мухаммед Аслам Ватанджар, министр госбезопасности Гулям Фарук Якуби, секретарь ЦК НДПА, госсекретарь Мир Сахеб Карваль, начальнлк Генерального штаба Мухаммед Асаф Делавар, командующий обороны Кабула А. Лудин (в 1990 г. - генерал Азими), командующий ВВС и ПВО генерал Кадыр Ака, заведующий военным отделом ЦК НДПА Абдул Хак Олюми.

Кроме того, на заседания Ставки приглашались другие должностные лица, необходимые для обсуждения вопросов, выносимых на заседание Ставки.

С Советской стороны обычно присутствовали советник президента Верховного Главнокомандующего по военным вопросам, главный военный советник, работавший при Министерстве обороны, советники при МГБ и МВД.

На заседаниях Ставки обсуждались в основном текущие оперативные вопросы и периодически коренные проблемы военного строительства и боевого применения вооруженных сил. С тем, чтобы фундаментальные вопросы военного строительства заблаговременно с предвидением разрабатывались, а не рассматривались лишь тогда, когда уже они подпирают, мы предложили президенту составить перспективный план рассмотрения наиболее важных вопросов (организация призыва, организационно-штатных вопросов, создания резервных формирований, идеологической работы в вооруженных силах и др.). Наджибулла в принципе согласился. Проект такого плана был подготовлен, но реализовать его в полной мере не удавалось. То оказывалось, что соответствующий вопрос не проработан и не согласован между различными ведомствами, то президенту он представлялся недостаточно срочным и назревшим. В последующем это приводило к тому, что эти вопросы все равно приходилось рассматривать, но с опозданием и в недостаточно подготовленном виде. Жизнь еще раз подтверждала истину: кто берется решать частные вопросы, не решив общих, тот затем вынужден на каждом шагу спотыкаться об эти общие вопросы.

В 1989 г. заседания Ставки проводились ежедневно и начинались в 8 часов утра продолжительностью 1-1,5 часа, иногда больше. Заседание начиналось с доклада начальника Генштаба или его заместителя - начальника оперативного управления. Он обычно докладывал изменения в оперативной обстановке за истекшие сроки, об итогах проведенных боевых действий, подвозе грузов с материальными средствами и ходе призыва. Доклады эти, как правило, слабо отражали реальное положение дел, были расплывчатыми и не содержали какого-либо анализа и выводов из сложившейся обстановки. Более собранными и четкими были

доклады, когда их делал заместитель начальника оперативного управления генерал Исмаил. Доклады Генерального штаба в основном отражали положение дел в армии, т. е. в войсках Министерства обороны. Поэтому после первого сообщения заслушивались доклады министров госбезопасности, внутренних дел, напильника Кабульского гарнизона и по мере необходимости других должностных лиц. Иногда на заседания Ставки вызывались и заслушивались командиры корпусов из Кандагара, Джелалабада, Мазари-Шарифа и командиры из других районов. Частенько бывал командир 53 пехотной дивизии Дустум.

В конце заседания предложения по решению Ставки по действиям на следующие сутки докладывал министр обороны. После этого со своими предложениями выступали Главный советник при Министерстве обороны и советник президента - Верховного Главнокомандующего по военным вопросам. В заключение давал указания Верховный Главнокомандующий вооруженными силами Наджибулла. В прежние времена, как мне рассказывали афганские товарищи, главным было выступление старшего из советских военных представителей, который излагал и свою оценку обстановки и вытекающие из нее решения. Президент все сказанное им утверждал и делал некоторые дополнительные комментарии.

Мы с президентом Наджибуллой договорились изменить такой порядок работы. Теперь, когда республика Афганистан должна была самостоятельно противостоять вооруженной оппозиции, нужно было менять и методы работы. И в первую очередь укреплять самостоятельность и ответственность афганских должностных лиц. Поэтому предстоящие указания президента мы обсуждали с ним накануне вечером (или рано утром до заседания Ставки). Обычно я ему подготавливал в письменном виде с приложением карты основные вопросы, по которым он должен был давать указания. С учетом этого мои выступления на заседаниях Ставки сводились к тому, чтобы выразить свое отношение к докладам, сделанным Генштабом, министрами и направить их в русло предстоящих указаний президента.

К сожалению, в ряде случаев приходилось поправлять не только афганских участников заседания, но и своих, советских. Мы не раз договаривались в своем кругу, что прежде чем выходить с предложениями по существенным вопросам на совместных с афганцами совещаниях, надо до этого согласовывать их друг с другом. И все же иногда кто-то из наших начинал делать недостаточно проработанные и не согласованные предложения, которые противоречили тому, что до этого

обговаривалось с президентом. Главный советник при министре обороны считал нужным обязательно поддержать своего Министра обороны. Конечно, было не очень хорошо, когда к противоречиям среди афганцев добавлялась полемика между советскими представителями. Но оставлять без замечаний явно не состоятельные предложения и высказывания было нельзя.

Среди афганских участников заседания чаще всего возникали разногласия и начинались острые споры, а нередко резкие личные выпады, когда дело доходило до каких-либо кадровых перемещений или когда речь шла о выделении сил и средств для решения задач в том или ином районе. К примеру, никто не возражал, что в Хост, Джелалабад или в район Саланга нужно направить усиление или пополнение. Но все считали, что это должно делать какое угодно ведомство и только не его. И если даже решение принималось и президент Наджибулла давал указания кому и к какому сроку их исполнить, то, как правило, выполнение их затягивалось, всячески тормозилось, приводились нескончаемые оправдания невозможности выполнить принятые решения. Вследствие этого к ряду вопросов приходилось возвращаться многократно. В условиях всеобщей неисполнительности и плохого контроля за выполнением отданных распоряжений часто оказывались не исполненными решения и распоряжения, отданные самими министрами военных ведомств.

Так, скажем, Ставкой принимается решение о выделении по 100-200 автомашин для направления на базу снабжения Хайротон для вывоза боеприпасов. Все министры докладывают о выполнении этого решения. Посылаю своих офицеров вместе с представителями президента на контрольно-пропускной пункт на северной окраине Кабула, через который все машины должны проходить и выясняется, что машин выделено в 2-3 раза меньше чем докладывалось, или выделены неисправные машины. Бывали и такие случаи, что к моменту начала марша мобилизованные водители машин разбегалась и приходилось наспех вылавливать и назначать других. Не говоря уже о том, что и с трудом собранные колонны почти никогда в полном составе к месту назначения не прибывали. С большими потугами решались и многие другие вопросы.

Мне становилось известным и то, что президент и министры военных ведомств некоторые вопросы стремились решать в рабочем порядке между собой, не вынося их на заседания Ставки, где присутствовали советские представители. Нередко в ходе таких частных встреч министры добивались от президента отмены или изменения тех решений, которые были приняты на

заседаниях Ставки.

В результате никогда не было уверенности в том, будет ли выполняться то или иное решение.

Вполне понятно, что подготовка и принятие решений, определение задач по их исполнению - это только начальный этап любой практической деятельности. Главное после этого проверка уяснения поставленных задач подчиненными, организаторская работа по их выполнению. В чрезвычайно сложной обстановке того времени, неустойчивости положения и неуверенности людей исключительно большое значение приобретало личное общение президента и других руководителей с командирами и с личным составом соединений и частей, а также с населением.

Как показывает опыт, это важно не только с точки зрения воздействия на людей, но и для того, чтобы лучше понять их настроения, оценить жизненность своих решений и распоряжений, почувствовать все нюансы и сложности складывающейся обстановки.

В этом была сила таких руководителей как У. Черчилль или маршал Жуков, которые всегда были тесно связаны с живой действительностью, близко стояли к войскам и, как правило, считали нужным лично самим побывать на местах происходящих событий прежде чем принимать решения. Известно также, как страдало дело из-за того, что Сталин не считал нужным бывать на фронтах.

Исходя из этих соображений, я с первых дней знакомства стремился к тому, чтобы убедить президента Наджибуллу чаще бывать в различных городах и гарнизонах страны, в войсках, обороняющих Кабул. В пределах Кабула нам это удавалось осуществить. Президент неколько раз проводил строевые смотры готовности к выполнению боевых задач частей, отправляемых в Джелалабад, Хост и в другие районы. Эти смотры длились по 4-5 часов. В ходе них президент считал нужным поговорить с каждым офицером и солдатом, подбодрить и дать им напутствие. После этото он выступал перед ними на митинге. Надо сказать, что выступал он без всяких заготовленных текстов. Но хорошо обдумывал то, что надо сказать, с учетом особенностей аудитории, контингента военнослужащих. Его речи были содержательными, эмоциональными и убедительными. Несколько отвлекаясь, хочу сказать, что вообще афганцы любят и умеют говорить, особенно, когда надо высказаться и порассуждать в общем плане.

Самый, казалось бы, непривлекательный, робкий на вид, задавленный тяжестью окопной жизни, внешне опустившийся офицер или солдат буквально преображался, когда надо было

выступить на митинге, перед строем товарищей или дать интервью корреспонденту радио и телевидения. Давали о себе знать и плоды десятилетнего нашего воспитания. По глазам и по всему облику выступающего было видно, что он считает нужным говорить о чем угодно, но только не о том, о чем он думает.

Вместе с президентом мы выезжали в некоторые воинские части, расположенные на окраинах Кабула. В учебном центре, расположенном вблизи военного училища "Пухантун", во время смотра одного из подразделений несколько солдат пожаловались президенту, что командир взвода младший лейтенант избивает их, забирает себе часть их денежного жалования. Наджибулла схватил этого командира взвода за шиворот и стал в присутствии солдат тыкать ему кулаком в лицо, выговаривая самые грубые слова. Я пытался отвлечь внимание Наджибуллы на другие дела и увести от этого неприглядного инцидента. Но президент уже не мог себя сдержать и продолжал в резкой форме допрашивать офицера. Правда, уже без рукоприкладства. Мне, чтобы не оставаться и дальше свидетелем этого досадного эпизода, пришлось отойти в сторону и беседовать с другой группой офицеров. При возвращении в Кабул в одной машине с президентом я пытался ему объяснить, что армия перестает быть армией, если в присутствии солдат принижают достоинство офицера, что лучше было бы (пусть в самой резкой форме) спрашивать с офицера в офицерском кругу, а не в общем солдатском строю. На это он мне сказал: "Вы поймите: афганская армия имеет свои хорошие и плохие традиции и последние сразу не изживешь. Афганец он другого языка не понимает".

В 1989 и 1990 годах мы с Наджибуллой побывали несколько раз на командном пункте войск гарнизона, пунктах управления министерств обороны, МВД и МГБ. Было проведено также несколько командно-штабных тренировок по управлению силами и средствами ПВО с реальным обозначением воздушных целей противника. Во время этих тренировок мы с Наджибуллой выезжали на командный пункт ВВС и ПВО. Причем при каждом нашем прибытии на этот командный пункт начинался интенсивный обстрел моджахедами этого района. Это свидетельствовало о том, что среди личного состава авиации и ПВО немало осведомителей афганской оппозиции.

Были и некоторые другие совместные с президентом выезды на пункты управления и войска Кабульского гарнизона. Но мне ни разу не удалось вытащить президента для поездки в Джелалабад, Хост, Кандагар и в гарнизоны в северных районах страны. В поездки за пределами Кабула приходилось отправляться с другими военными руководителями. Наджибулла

каждый раз говорил, что та или иная поездка нужна. Но разговор об этом кончался обычно ссылками на занятость другими делами (а их всегда было с избытком), или в лучшем случае обещанием обдумать очередное предложение о совместном выезде в другие гарнизоны. Или вдруг я внезапно узнавал, что президент в сопровождении представителей КГБ ночью на несколько часов вылетал в Джелалабад или в другой город. Но такие мимолетные вылеты носили, конечно, не деловой характер и были больше нужны для сообщений по радио и телевидению. Поначалу мне трудно было понять причины этого. Тем более, что при совместных поездках в пределах Кабульского гарнизона и попадая под обстрелы, я мог убедиться, что Наджибулла обладает недюжинным личным мужеством и довольно выдержанно реагирует на опасности и обстрелы.

Но постепенно дело с "нежеланием" президента выезжать в другие гарнизоны стало для меня проясняться. После одного из наших выездов на командный пункт ВВС и ПВО, где мы угодили под сильный обстрел реактивными снарядами, ко мне зашел представитель нашего КГБ генерал В. А. Ревин и выразил свое неудовольствие по поводу того, что мы без ведома органов безопасности пригласили президента на такую поездку. Оказалось, что глава афганского государства не всегда сам мог решить можно ему совершать ту или иную поездку или нет. Складывалось впечатление, что о таких выездах наши представители каждый раз докладывали в Москву, спрашивая разрешение на это. Несколько позднее от доверенных президенту лиц я узнал, что и по некоторым военным вопросам Наджибулла после беседы со мной согласовывал некоторые из них с представителями нашего КГБ. Вообще, Наджибулла, будучи близко связанным с КГБ, во многом был зависим от них. Они же руководили его охраной и материальным обеспечением его семьи. Наджибулла мог не найти времени для встречи с прибывшим в Кабул начальником главного штаба советских сухопутных войск, но вместе с тем по несколько суток общаться с десятистепенными лицами, прибывшими по линии КГБ.

Можно было понять особую ответственность представителей КГБ за безопасность, но ее, как и любое другое нужное дело, нельзя было превращать в самоцель. В интересах того, чтобы республика держалась, президенту следовало, когда надо, идти и на определенный риск, ибо главное - это интересы дела, обспечение эффективного руководства. Без этого и сама безопасность теряла смысл. Не случайно, когда рухнула Республика Афганистан, представители госбезопасности и не вспомнили об этой безопасности и сразу отвернулись от

президента.

В любой отрасли деятельности самое гиблое дело - это когда около большого руководителя крутятся представители нескольких ведомств и каждое из них заботится лишь о своем участке работы. А в военное время все должно быть подчинено интересам фронта, целям выполнения военных задач, поскольку от этого зависит судьба государства. Если этого нет, если людям, отвечающим не за дело в целом, а за какой-то частный (пусть даже очень важный) участок работы принадлежит последнее слово в определении линии поведения главы государства, главнокомандующего вооруженными силами, то в его деятельности неизбежно образуются трудно поправимые изъяны.

С точки зрения приспособленности к нуждам военного управления из всех военных ведомств более или менее рациональную организацию имело министерство обороны. В его состав входил Генштаб со всеми необходимыми управлениями (оперативное, разведывательное, организационно-мобилизационное, связи и др.), командования родов войск ВВС и ПВО, артиллерии, инженерных войск, органы тыла, технического обеспечения и др. Но президент считал нужным в должностях начальника Генштаба, начальников оперативного и некоторых других управлений иметь своих представителей (парчамистов), которым министр обороны не доверял. Поэтому наиболее важные дела Танай стремился решать через особую группу доверенных лиц, что создавало постоянное напряжение внутри министерства обороны.

Что касается МГБ и МВД, то организационная структура этих ведомств была приспособлена для решения специфических задач, свойственных этим государственным структурам. В их составе не было специальных органов, обеспечивающих управление войсками, входящими в эти ведомства. Поэтому, если в армии и в управлении войсками было много серьезных изъянов, то в МГБ и МВД квалифицированного руководства подготовкой и ведением боевых действий вообще не было. В системе МГБ несколько лучше осуществлялось управление частями ГОН (гвардии особого назначения). Но постепенно и части гвардии оказались разбросанными по различным районам страны и командование гвардии не имело возможности повседневно управлять ими.

В рамках министерств обороны, внутренних дел и госбезопасности существовали еще главное политическое управление (в министерстве обороны) и политические управления в МГБ и МВД, призванные проводить в своих ведомствах политику правящей партии (НДПА) и заниматься идеологическим воспитанием личного состава. Если вообще в

военно-административном плане афганская военная организация копировала советскую систему, слепо перенимая и положительное и негативное, то в области партийно-политической работы афганские политорганы и партийные организации НДПА каким-то образом ухитрились перенять практически все худшее, что было в советских политорганах, да еще добавить доведенный до самых уродливых проявлений формализм, догматизм, полную оторванность содержания и методов воспитательной работы от конкретной афганской действительности и задач, которые решали вооруженные силы.

Леонид Владимирович Шебаршин в своих воспоминаниях задается вопросом: "Как случилось, что две тысячи советников - полковников и генералов (имеется в виду период до вывода из Афганистана советских войск - М. Г.) не сумели создать в составе афганской армии ни одного полностью боеспособного и надежного подразделения? Как случилось, что тактика действий афганской армии основывается не на современных реалиях, а на безнадежно устаревшем опыте войны на российских просторах? Как случилось, что структура афганских вооруженных сил создана точно по нашему образцу и практика девятилетней войны не привела ни к каким изменениям в этой структуре?

Мы чему-то учили афганцев, сомнений нет. Но главным образом, мы распоряжались и командовали, "пристегивали" к своим операциям, навязывали свои решения, громко при этом крича о слабой боеспособности союзника и ища корень зла в политике..."{34}.

В том, что весь корень зла был в политике, сомневаться не приходится. Этот "политический корень" предопределил недостаточную эффективность действий и 40-й армии, и афганских вооруженных сил, и органов государственной безопасности. Что касается "недоверия к союзнику", особенно к афганской армии, то это недоверие больше подогревали именно наши органы госбезопасности. Обо всем это уже говорилось в предыдущих главах.

А насколько обоснованны приведенные выше выводы шефа советской разведки, одного из руководителей хорошо знавших Афганистан, с точки зрения военной? Доля справедливости в его замечаниях, безусловно, есть. Но все же не все здесь объективно. Слишком однозначные и прямолинейные суждения автора внешне хотя и выглядят правдоподобно, но не отражают всех сложностей того, что действительно происходило. Справедливости ради надо было бы сказать и о том, насколько эффективно действовали афганские органы государственной безопасности и их советники, многие спецподразделения,

направленные в Афганистан по линии КГБ.

Что касается организационной структуры афганской армии, то она была примерно такой же, как и в пакистанской, индийской, иранской, китайской и любой другой современной армии. Дело другое, что она, как и организация соединений 40-й армии, была приспособлена больше для действий против регулярных войск противника и мало учитывала особенности борьбы с партизанским движением моджахедов. Поэтому, как уже говорилось, для выполнения боевых задач в советских соединениях, создавались сводные отряды.

О несоответствующей афганским условиям оргструктуре советских войск пишут и авторы книги "Вторжение". В частности, они ссылаются на упомянутую выше книгу Марка Урбана, где он не без ехидства замечает, что вообще-то, кроме дегазирующих машин, Советская Армия прихватила с собой на войну еще много другого совершенно ненужного боевого снаряжения, к примеру ракеты ПВО, хотя всем было известно, что у повстанцев нет авиации{35}. Но если бы авиация со стороны моджахедов или пакистанцев (последние не раз вторгались в воздушное пространство Афганистана) была применена против наших войск, можно представить себе с каким гневом писали бы журналисты о безответственности и преступности действий советского командования. Поэтому их позиция "безошибочна" и всегда есть над чем потешаться: взяли с собой средства ПВО глупо; не взяли (случись что) - преступно.

Затевать коренную перестройку организации афганской армии и тем более после ухода советских войск, практически было невозможно. Дело в том, что после ухода советских войск афганской армии пришлось иметь дело не только с партизанами, но и участвовать в ряде крупных сражений, где и моджахеды начинали приближать свою военную организацию к регулярным основам. Имело также место вмешательство пакистанской армии в военные действия под Джелалабадом и Хостом и не было никакой гарантии, что Пакистан не предпримет более крупно-масштабных военных действий против Республики Афганистан. Вообще, если бы не основной - политический "корень зла", можно было бы и при существовавшей тогда военной организации более успешно решать военные задачи.

А привившаяся в течение десятилетия привычка во всем оглядываться на советских командиров и советников, конечно, давала о себе знать, но она стала постепенно исчезать как только не стало в Афганистане советских войск и советников в соединениях и частях. Когда не на кого стало оглядываться, сама жизнь начала вынуждать действовать более самостоятельно.

Многое зависело от конкретных личностей, их характера, способностей, подготовки и опыта. Поэтому коротко рассмотрим, что представляли собой основные афганские руководители, непосредственно занимавшиеся военными вопросами.

Глава VII.

Уроки и выводы из Афганской войны

Покаяние нужно, но чтобы потом снова не каяться по этому поводу

Известный узбекский писатель Абдурашид Нурмурадов написал чудесную книгу о судьбах людей, прошедших через Афганистан{36}. В самом ее начале он напоминает слова из книги Э. Хемингуэя "Прощай оружие": "...те, кто затевает, разжигает и ведет войны, - свиньи, думающие только об экономической конкуренции и о том, что на этом можно нажиться". И далее пишет: "Сегодня нам известно, кто виноват в разжигании афганской войны. Но виноваты и мы все, читатель, потому что молчали, а значит, потворствовали"{37}.

В конце книги А. Нурмурадов обращается с призывом: "Конечно, было бы хорошо, если обо всей этой политической, военной авантюре расскажут свидетели войны - крупные военачальники. Пусть они расскажут, во что обошлось слепое, бездумное выполнение тупых приказов. Почему они молчат? Подайте голос!"{38}

Не так-то просто подать этот голос, когда тебе заранее диктуют и его тональность. Но прятаться за спины других тоже нехорошо. Хотя я и не очень крупный военачальник и вроде бы непосредственно афганскую войну не затевал, но был свидетелем многих событий, как и многие другие "потворствовал" и "выполнял тупые приказы" и вот я решил подать свой голос.

Бывают периоды, когда в том или ином вопросе начинает господствовать идеологизированная, все подавляющая точка зрения, под которую все подгоняется и к ней присоединяются все голоса. В этих условиях, когда любое другое мнение, иное видение подвергается остракизму, самым легким делом было бы покаяться о содеянном за себя и других, осудить и объявить преступлением все, что делалось, изобразить всех, кто отдавал и выполнял "тупые приказы" идиотами. И во всем этом будет и доля правды, ибо каждому из нас есть в чем покаяться и признаться в ошибках. Но это будет еще не вся правда. От таких покаяний и все осуждающих обличений может быть у кого-то на душе станет легче. Только таким путем мы к истине все равно не придем и не сможем сделать правильные выводы и извлечь должные уроки из прошлых событий. Больше того, пройдет совсем немного времени и нас снова постигнет разочарование, что может привести к тому,

что люди уже ни во что верить не будут.

Вспомните, как изображался совсем недавно советско-германский договор о ненападении 1939 года. Стремление советского правительства оттянуть войну изображали "тягчайшим преступлением против человечества", сколько гнева по поводу тайных "протоколов". Высказать какое-то другое мнение было невозможно. Но жизнь идет и США уже после войны заключают секретные соглашения с Японией, Россия совсем недавно с Китаем и т. д. Оказывается это обычная международная практика. Уже творческая интеллигенция встречается с президентом РФ за закрытыми дверями, куда журналистов не пускают, а совсем недавно говорили: почему происходят закрытые заседания Политбюро ЦК КПСС или почему любой журналист не может свободно зайти на совещание руководящего состава вооруженных сил?

Больше всего возмущений было по поводу того, что решение по вводу войск в Афганистан принято в "узком кругу", без ведома Верховного Совета и т. д. А потом без Верховного и без ведома народов в еще более узком кругу распустили Советский Союз, вслед за которым последовало много других поразительных событий, в том числе последние события в Чечне.

Казалось бы трудно придумать более чудовищное преступление, чем сталинские репрессии и переселение целых народов. А сейчас чеченцы сами бегут из разрушенного Грозного и своих аулов и говорят: "Мы были бы счастливы, если бы нас снова как в сталинские времена посадили в товарные вагоны и отправили из этого ада куда угодно."

Узнали ли вы, читатель, кто и как развязал войну в Карабахе или в Югославии? Никогда и не узнаете, если искать причины только в действиях сербов или боснийцев и не поинтересоваться, почему так поспешила Германия признать независимость Словении и Хорватии. Ничего нельзя толком понять, если будут одни обличения и не будет спокойного анализа всех обстоятельств, которые породили эти кровавые события. В последнее время много говорится о том, что России и другим странам СНГ никто не угрожает и все опасности для этих стран таятся только внутри них, но умалчивают о том, что и эти внутренние конфликты во многом подогреваются извне.

Всего несколько лет назад в Западной печати поднимался шум о якобы имевших место нарушениях шведских границ советскими подводными лодками и сбитии шведского самолета в международном пространстве. Все, что говорилось на Западе настолько считалось правомерным, а осуждение Советского Союза по любому поводу настолько модным и единственно

возможным "цивилизованным" подходом, что руководство СССР задним числом взвалило на себя ответственность за сбитый в июне 1952 г. шведский самолет-разведчик, хотя никаких доказательств не было. Теперь в той же Швеции выявляются документы, свидетельствующие о том, что все это не соответствовало действительности{39}.

Таких лопнувших мифов было уже много. Когда немного улягутся страсти, не такими уж однозначными покажутся и многие доминирующие сегодня суждения по Афганистану. Вы можете обличать, шельмовать другие взгляды, но придет время и они тоже займут свое подобающее место в истории. И если мы хотим жить в мире реальной действительности, а не мифов и легенд, порождаемых конъюнктурно нагнетаемыми страстями, нужно кроме неизбежного вначале, самого понятного, острого и впечатлительного личностно-обыденного взгляда на события прошлого, находить и более широкий исторический взгляд, учитывающий все стороны и обстоятельства сложной противоречивой действительности.

Такой подход не избавит от горечи ошибок и неудач, боли утраты близких людей. Гибель ни одного человека никогда нельзя ничем оправдать. Но он позволит глубже понять то, что было и извлечь уроки на будущее.

Автор этих строк тоже не готов однозначно высказаться по всем вопросам. И в самом деле не все ясно и в полной мере осмыслено. Многие документы западных стран, Пакистана, Ирана, Китая остаются закрытыми. Но какие-то предварительные выводы об афганских событиях в целом, видимо, можно сделать.

Какими они видятся сегодня, из того что мы знаем?

Были ли неизбежными крупные волнения 1973 г., 1978 г. и другие бурные события в Афганистане? Все говорит о том, что рано или поздно они должны были произойти, как это было в Англии, во Франции, России, Индии и других странах. И народ Афганистана не мог вечно оставаться в средневековой отсталости. В книге "Кровавая пелена" автор приводит последние письма погибшего в Афганистане старшего лейтенанта Баходыра Наметова, напоминая древнюю мудрость: "Правда величественна своей правдивостью". Так среди ряда правдивых свидетельств Баходыр пишет своей сестре и о том, что "здесь (в Афганистане - М. Г.) много кишлаков. Однако ни в одном из них нет ни школы, ни электричества. Многие афганские дети и в холод, и в жару ходят без обуви, ее просто нет"{40}.

А я знаю, что еще в начале 30-х годов так было и в Узбекистане, и Таджикистане, и других Среднеазиатских республиках. Известно и сегодня, в какой страшной нищете живут

в кишлаках, да и в городах в Афганистане, Пакистане, Иране и в той же Турции{41}.

Люди не могут без конца так жить. Другое дело, что Афганистан не мог воспринять такую революцию, как Апрельская революция 1978 г. Нужны были более умеренные соответствующие условиям Афганистана, понятные народу, социально-политические и экономические преобразования. При поддержке их большинством народа не было бы и большой войны и не стоял бы вопрос о вводе советских войск в эту страну. А попытка навязать афганскому народу чуждый для него строй и режим привела к тягчайшей исторической трагедии. Но если мы хотим извлекать уроки из прошлого, то и сегодня неразумно для России, Узбекистана, Таджикистана и для других народов навязывать образ жизни других стран. Кстати, и трагедия Чечни началась еще в 1991 г., когда кое-кто пытался насадить в этой республике "демократию", устроенную на московский манер.

Некоторые политические деятели на свой лад (в основном ограниченностью демократии) объясняют существующую относительную стабильность обстановки в Узбекистане, Туркменистане и некоторых других бывших советских республиках. Но одна из причин относительной стабильности в этих республиках состоит в том, что народы Средней Азии по сравнению с некоторыми другими соседними странами, несмотря на все нерешенные проблемы, недостатки и известные ограничения свобод (и прежде, и теперь), в годы советской власти сделали огромный шаг вперед в своем социальном, экономическом и культурном развитии и живут лучше, чем в Пакистане, Иране или Афганистане. А люди никогда сами себе плохого не хотят. Да и не обязательно, видимо, чтобы процессы демократизации и реформ сопровождались всеобщей смутой, конфликтами, резким падением жизненного уровня населения, разгулом преступности и прочими неурядицами.

И дело здесь не в пережитках коммунистического тоталитаризма, как это иногда изображают. Надо учитывать и свойственную мусульманскому обществу традицию уважения верховного правителя. Но для Афганистана в конце 70-х в начале 80-х гг. беда усугублялась тем, что там подняли оружие не только те, кто выступал против нежизненной, "плохой революции", а в первую очередь силы, которые стремились задушить и сделать невозможными любые преобразования в стране, оставляя народ в отсталости и угнетении. Эти люди и теперь не расстаются с оружием.

Главная цель последних состояла в том, чтобы расправиться с прогрессивными силами, стремящимися действительно изменить

жизнь народа к лучшему. Конечно, это было внутренним делом Афганистана. Но для Советского Союза не только с точки зрения справедливости и солидарности, но и с позиций геополитических интересов было небезразлично какие силы победят в этой борьбе. Победа одних означали наличие дружественного государства, спокойствие и мир на наших южных границах, а победа других - возникновение серьезной угрозы.

Дело осложнялось вмешательством и стремлением к проникновению в этот регион других государств и прежде всего США. Это теперь подтверждено многочисленными документами и фактами. Вот совсем недавнее признание З. Бжезинского: "После поражения Советского Союза и в холодной войне и его последующего распада Соединенные Штаты впервые получили возможность внедрить свое политическое присутствие в новых постсоветских республиках Евразии до границ Китая, а также господствовать в регионе Персидского залива на южных окраинах Евразии"{42}.

По сообщению "Независимой газеты" (11.06.94 г.) Бжезинский считает, что для США "...Главной целью реалистической и долгосрочной большой стратегии должна быть консолидация геополитического плюрализма в пределах бывшего Советского Союза". Понимая под этим множество самостоятельных и никак не интегрированных постсоветских государств на территории СНГ. Он же предлагает американскому правительству не допустить объединения с Россией Украины и Белоруссии, договориться с Китаем о разделе сфер влияния в Среднеазиатском регионе. Из этого следует, что американцы должны сделать все для того, чтобы ограничить влияние России в Среднеазиатском регионе и установить свое безраздельное влияние.

Влиятельные круги США теперь открыто провозглашают цели, которые они стремились еще как-то маскировать в конце 70-х в начале 80-х годов, больше разглагольствуя тогда о защите "свободы и прав человека" в Афганистане. Подобные цели подтверждаются и официальной стратегией национальной безопасности США. Пусть читатель сам решает кому верить: официально провозглашенной и практически осуществляемой политике США и других стран, расположенных на южных подступах бывшего СССР и теперь СНГ, или тем политическим деятелям и журналистам, которые говорили и продолжают твердить, что никто нам на юге не угрожал, не угрожает и все разговоры об опасности просто придуманы.

Мог ли Советский Союз в этих условиях никак не реагировать на то, что происходило в Афганистане? Для любого, уважающего

свои интересы государства, как и СССР, это было бы противоестественно и безответственно. Даже, если бы советское руководство отказалось от всякого вмешательства в афганские дела, в конечном счете все равно не удалось бы уклониться от опасности, назревавшей на юге страны. Во всяком случае потребовались бы крупные меры и большие дополнительные расходы для укрепления обороны на этом направлении, не говоря уже об угрозе дестабилизации внутренней обстановки в Среднеазиатских республиках.

Что бы там не говорили, но царская Россия и Советский Союз по существу не были империей в ее общепринятом классическом понимании. Были, конечно, и угнетение и притеснения, насильственное крещение и руссификация. Но многие народы действительно присоединились к России добровольно и они не только не были колониями, но по ряду вопросов находились в лучшем положении, чем население центральных районов России ("метрополии"), а в рамках Советского Союза и в примерно одинаковом положении. Во всяком случае Россия не обращалась с другими народами в составе своей империи, как Англия, Франция или Бельгия со своими колониями. В отличие от индейцев в Америке, в России, а затем в СССР не один маленький народ не прекратил своего существования. Даже Россия не была сплошь унитарным государством. Бухара, Польша или Финляндия имели статус, существенно отличающийся от обычных губерний.

Если сейчас начинать осуждать присоединение Северного Кавказа, Сибири и других земель, то можно дойти до абсурда и отказываться от Тверского, Рязанского княжеств и вообще оставаться в одной лишь Московии, которую тоже начинают уже делить на зоны влияния. Но исторически на месте старой России сложилось и существовало Советское государство со своими государственными интересами. И независимо от того, являлся ли Советский Союз империей или нет, объективно существовали и существуют законы государственности и геополитической устойчивости великих держав.

Это геополитическое положение требуют достижения и закрепления на определенных естественных рубежах, предупреждения и снятия угроз и обеспечения безопасности государства. Если это не обеспечивается, крупное, многонациональное государство начинает терять свою устойчивость. Например, когда к началу XIX в. практически все Закавказские страны присоединились к России, а Северный Кавказ оставался не покоренным, нужно было отказываться от всего Закавказья или присоединять и Северный Кавказ.

Как США не мыслят свое геополитическое положение без

Панамского канала и Гавайских островов, так и Россия даже при более скромных потребностях не может существовать, как полноценная держава без выходов к Балтийскому и Черному морям. Несомненным является и то, что постсоветское пространство было и остается зоной жизненных российских интересов.

Можно о них умалчивать, маскировать более удобными и обтекаемыми выражениями. Но от этого они объективно не перестанут существовать, как и обратное геополитическое притяжение других республик к России, о чем постоянно и очень убедительно говорит президент Казахстана Нурсултан Назарбаев. И президент Кыргызстана Аскар Акаев со всей определенностью заявил: "Мы сообщающиеся сосуды и настолько переплетены различными связями, что по-живому "не разрубишь". Кыргызстан обречен идти в фарватере России. Смотрите, ведь вся наша промышленность на 100% зависит от России... Россия ледокол. Не пойдешь в ее фарватере, льды раздавят"{43}.

Да, можно и нужно не забывать о правах других народов, о их справедливой борьбе. Но в истории и немало примеров, когда при более разумной политике общегосударственные интересы и интересы разных народов находили взаимоприемлемое сочетание в рамках больших государств. А страны, получившие независимость, все больше интегрируются (в первую очередь в экономическом отношении) и в Западной Европе, и Азиатско-Тихоокеанском регионе и Америке. Жизнь вынудит и страны СНГ идти по этому пути. И речь идет не о возрождении империи, а подлинного добровольного содружества заинтересованных в этом стран.

Для безопасности Советского Союза важное значение имело и положение в Афганистане. И судить сегодня о действиях Советского Союза по отношению к Афганистану в конце 70-х годов надо, исходя из тех конкретных исторических условий, а не придуманных позже, так называемых "общечеловеческих интересов", отвлеченных понятий и принципов. Тем более, что и в наши новейшие времена все ведущие государства предпочитают исходить не из отвлеченных, а прежде всего из своих национальных интересов.

Если подходить с таких позиций и с учетом всех условий обстановки, которая складывалась к тому времени, то становится совершенно очевидным, что Советский Союз не мог оставаться в стороне от событий в Афганистане и как-то должен был реагировать. Но как?

С высоты сегодняшнего, зная лучше, чем в прошлом, все обстоятельства дела и замыслы сторон, можно со всей

определенностью утверждать, что наиболее перспективным и рациональным был настойчивый поиск путей политического урегулирования внутренних и внешнеафганских проблем. Но не обычным декларированием предпочтительности такого подхода, как это, к сожалению, делалось и делается, а путем выработки жизненных, неординарных решений и выдвижения крупных убедительных внешнеполитических инициатив и предложений.

Если вспомнить историю присоединения Кавказа к России, то там ведь тоже не все сводилось к военным действиям. Они сочетались с хорошо продуманными политическими мероприятиями и дипломатическими шагами и не только по отношению к повстанцам, но и к другим государствам, которые их поддерживали. Особенно умело все это осуществлялось, когда во главе внешнеполитического ведомства России стал А. М. Горчаков. С Имамом Шамилем постоянно посредничал полковник Лазарев, обещая самые привилегированные условия его сдачи, которые, как известно, были до конца выполнены. В 1857 г. царь Александр II лично встретился с королем Франции Наполеоном III и, заключив франко-русский союз против Пруссии, добился от него прекращения помощи кавказским горцам. В 1858 г. Россия пошла на выгодный для Англии русско-британский торговый договор в обмен на ее отказ от прямого вмешательства в кавказские дела. Целый ряд акций по оказанию военного давления и дипломатических тагов с соответствующими уступками в других вопросах было предпринято по отношению Турции и Персии, чтобы вынудить их к отказу от претензий на Кавказ. Так было в свое время и в Средней Азии, Она была присоединена к России, но бухарский Эмир продолжал править в своих владениях. Царские власти стремились не ломать на свой лад внутреннюю жизнь в завоеванных землях. И при установлении Советской власти на Кавказе и Средней Азии не все решалось силой; важным средством была политическая работа по привлечению на свою сторону основной массы населения.

Но в афганских делах советская политика, пользуясь выражением Владлена Сироткина, "больше напоминала дубовый стиль Карла Нессельроде", чем гибкие и дальновидные действия А. Горчакова.

В начале 80-х годов в отношении к Афганистану наиболее реальным было не стремиться создавать себе подобное, послушное и обязательно социалистическое государство, а поддерживать более умеренные силы, пользующиеся поддержкой основной части населения. С самого начала вести линию на примирение сторон.

С точки зрения отношений с США, Пакистаном и другими

странами можно было отказаться от максималистических геостратегических целей и искать баланс военно-политических и экономических интересов с ними. В частности, были данные о том, что США в свое время были склонны согласиться с тем, чтобы Афганистан оставался нейтральным государством, поддерживая уравновешенные связи как с Советским Союзом, странами Варшавского Договора, так и с США и другими Западными странами.

Кстати, в области внешней политики были и некоторые другие пути нажима на США и уступок с нашей стороны, в других районах мира в расчете на ответные встречные шаги по Афганистану.

Но такой широты действий наша дипломатия не проявляла. У наших политических деятелей слишком однозначным и максималистским был и взгляд на Афганистан. В частности, попытки Дауда или позже Амина уравновесить свои отношения и расширить связи с Западом, встретили со стороны советского руководства жесткое противодействие. Это делало нашу политику прямолинейной, не гибкой, все больше подталкивая к военному вмешательству. Советскому руководству можно было найти и другие пути защиты своих национальных интересов на юге без прямого военного вмешательства.

Из этого должны быть сделаны выводы и для современных условий. Будущее России и ее безопасность во многом зависят от налаживания отношений с мусульманским миром. Вообще Ислам в XXI веке приобретает огромное значение и становится одним из решающих факторов, определяющих развитие международных отношений и прежде всего на евроазиатском материке. Но он неоднороден. В нем есть преобладающие умеренные силы и есть, как в любом движении, экстремистские элементы. И надо не пугать Исламом, изображая его сплошь враждебным, а сотрудничать с его здоровыми силами, налаживать взаимопонимание между народами. Особенно важно это для России, которая имеет многовековой уникальный опыт сожительства с мусульманскими народами. И это взаимодействие во многом будет зависеть от того, как будут строиться отношения между народами внутри России.

Несмотря на образовавшуюся огромную пропасть между нашими народами, надо настойчиво искать пути налаживания отношений и с Афганистаном, который определенные силы хотят сделать враждебным по отношению к России и другим странам СНГ.

Афганскому народу, да и самим рядовым моджахедам, не умеющим теперь ничего делать, кроме как воевать, политический

экстремизм тоже ни к чему (заняться есть чем, вся страна лежит в развале). Афганцы в большинстве своем не воспринимают экстремистский, политизированный ислам, они исповедывают терпимый ислам. Но в мире есть силы, которых не устраивает стабилизация обстановки в Афганистане, которые использовали и будут продолжать использовать воинственных моджахедов для своих далеко идущих целей.

В последнее время в Афганистане выступила новая сила - движение "Талибан" - вооруженные формирования, созданные из учеников и студентов исламских духовных учебных заведений. Наивно, конечно, полагать, что юные слуги Аллаха сами по себе собрались, взяли самодельные танки, орудия и пошли наводить порядок в стране. Отряды талибан готовились и вооружались на территории Пакистана при материальной поддержке США и некоторых арабских стран. Эта мера предпринята из-за непрекращающихся столкновений между различными группировками моджахедов и рассчитана на то, чтобы оказать давление на них, заставить пойти на примирение Хекматьяра, Раббани и других лидеров и, при необходимости, устранить некоторых из них и добиться создания единой исламской администрации на территории Афганистана.

Заключение

Афганская страда является частью крупных событий, происходивших в мире, и одной из наиболее ярких отражений "холодной войны" и ее сегодняшних последствий. Афганские события оказали также немалое воздействие и на внутреннюю жизнь Советского Союза, оказались одним из факторов, подтолкнувших крушение нашего государства. Поэтому из опыта подхода к решению афганской проблемы в прошлом вытекают изложенные выше весьма важные выводы как для установления мира в Афганистане, так и для решения других конфликтных ситуаций, которые должны учитываться и в будущем.

Опыт Афганистана, Вьетнама, Югославии и других конфликтов показывает бесперспективность вмешательства "сверхдержав" во внутренние дела других государств. В частности, сегодня для всех очевидно, что ввод советских войск в Афганистан в 1979 г. был не продуманным, политически ошибочным шагом, нанесшим огромный урон Советскому Союзу и афганскому народу.

Но и советское руководство действовало не в вакууме. Многие внешние обстоятельства подталкивали его к этому роковому шагу. Хорошо известны факты как усиленно и активно пытались США проникнуть и закрепиться в Иране, Пакистане, создавали в этих районах свои базы. В свою очередь Иран,

Пакистан и некоторые другие государства поддерживали оппозиционные силы, выступавшие против короля Захир шаха, правительства Дауда еще до апрельской революции в Афганистане, что создавало серьезную угрозу СССР на юге. Со всем этим нельзя было не считаться.

В условиях соперничества двух "сверхдержав" в крупных военных конфликтах ни одна из сторон не могла одержать решающую победу, ибо они опирались на материальную и военную поддержку этих держав. В Афганистане Советский Союз оказывал помощь правительственным войскам, а США, Пакистан, Иран и другие государства - моджахедам. Но существовавший в Афганистане режим имел и внутренние стимулы. Это особенно наглядно дало о себе знать после вывода советских войск из Афганистана в январе-феврале 1989 г. С уходом советских войск вооруженная афганская оппозиция поставила перед собой более решительные и крупные политические и стратегические цели, чем это было в прежние годы, а именно - свержение существующего строя и захват власти в Афганистане. При наличии советских войск таких задач она не могла ставить и ограничивалась партизанскими и диверсионными действиями с целью дестабилизации обстановки в стране, Это предопределило возросшие размах и ожесточенность боевых действий в течение 1989 года. Вместе с тем, с выводом советских войск военные возможности РА и в целом сил, противостоящих мятежникам, существенно уменьшились.

Несмотря на все это, РА смогла устоять благодаря следующим обстоятельствам: с одной стороны, оппозиция лишилась главной идеологической базы - джихада, призванной мобилизовать население для борьбы против "неверных", сказались и серьезные противоречия в лагере оппозиции; с другой стороны, оказалась жизненной политика национального примирения, проводимая руководством РА. Опора мятежников на Пакистан, агрессивные намерения пакистанского руководства по отношению к Афганистану способствовали сплочению патриотических сил в борьбе за сохранение целостности и независимости Афганистана. Большую роль сыграла экономическая и военная помощь Советского Союза.

Республика Афганистан удерживала политические, стратегические позиции и в основном прочно контролировала большинство провинциальных центров и ранее занимаемые уезды. Оппозиция могла предпринять еще ряд активных действий, проводить обстрелы городов, но она уже была не способна военным путем переломить обстановку в свою пользу и со временем была бы вынуждена пойти на переговоры. Поэтому

режим Наджибуллы мог бы еще держаться. Он пал только после того, как лишился прежней поддержки СССР, а военная поддержка моджахедов продолжалась. Однако с точки зрения социально-политической и этот режим имел мало шансов распространиться на весь Афганистан. Поэтому в перспективе наиболее жизненным был курс на постепенное примирение сторон, отказ их от ортодоксальных и экстремистских целей и поиск консенсуса, основанного на национальных традициях устройства афганского общества и государственности.

Вместо этого не только США, но и определенными силами в России, был взят курс на поддержку одной стороны - моджахедов и подавление другой. Все это говорит о том, что положение в мире может в корне измениться с переходом от биполярного к однополярному миру. Возникает опасность, что одна из оставшихся "сверхдержав" может теперь течение всех военных конфликтов повернуть лишь в своих интересах и установить свой диктат в международных делах. Но все же мир в будущем будет, видимо, не монополярным, а многополярным, основанным на учете баланса интересов ведущих стран. В такой обстановке, чтобы призывы к новым подходам в политике не остались декларативными лозунгами, нужно чтобы все государства наряду со своими национальными интересами хоть в какой-то степени учитывали и интересы международной стабильности в взаимной безопасности. В этой связи требуется всемерное повышение роли ООН, ОБСЕ в разрешении конфликтов, под эгидой которых должны осуществляться и все миротворческие акции.

С этой точки зрения военный опыт Афганистана свидетельствует о том, что миролюбивые силы, выступающие под эгидой ООН с целью пресечения агрессии и конфликтов, должны действовать решительно и с концентрацией достаточных, эффективных сил и средств, способных в короткие сроки выполнить эти задачи.

Как показывает опыт, нельзя слишком упрощенно представлять себе и миротворческие операции. События в Афганистане, а теперь вот и в Чечне, свидетельствуют о том, что прежде чем разъединять стороны и разоружать так называемые бандформирования в ряде случаев требуются организованные боевые действия по разгрому довольно крупных группировок, имеющих в своем составе профессионально обученных наемников и располагающих тяжелым современным оружием. Поэтому армии миролюбивых государств должны тщательно готовиться к выполнению различных боевых задач, в том числе к участию в крупномасштабных военных действиях. Напряженная боевая подготовка должна быть законом жизни любой армии. Для того,

чтобы требовать от военнослужащих исправного выполнения конституционного долга, нужны основанные на конституции решения и приказы, например, введение чрезвычайного или военного положения, которые определяют условия применения тех или иных видов оружия. Политическое руководство должно четко и определенно ставить задачи войскам.

Исключительно важное значение имеет политическая обоснованность военного вмешательства в различные конфликты, убедительное объяснение общественности и личному составу мотивов предстоящих военных акций. В условиях, когда не только противник осуществляет дезинформацию, проводит психологическую войну с целью морального разоружения солдат и офицеров другой стороны, но и активно участвует в этом деле часть общественности и средств массовой информации своей страны, трудно рассчитывать на воодушевление войск и воинскую доблесть. Вместе с тем я, как старый солдат, убежден в том, что для любого военнослужащего, пока он находится на военной службе, необходимость выполнения воинского долга остается незыблемой. Лукавить, хитрить, имитировать выполнение боевых задач при любых обстоятельствах не допустимо.

При международном вмешательстве в региональные конфликты и проведении миротворческих акций важно, чтобы не допускалась предвзятая однозначная поддержка лишь одной из конфликтующих сторон. Должны учитываться интересы различных общественных сил и движений, не лишая ни одну из них провозглашенных ООН прав человека.

В частности, для окончательного урегулирования обстановки в Афганистане нужен более взвешенный политический подход, учет интересов различных слоев населения. Надо также не допустить казни Наджибуллы и дать ему возможность уехать. Ведь он отказался от власти не только ввиду внутриафганского кризиса, но и по рекомендации представителей ООН, чтобы облегчить переговоры противоборствующих сторон. И это имеет значение не только для Афганистана. Если будет учинена расправа над Наджибуллой, то другие подобные правители ни при каких обстоятельствах добровольно не уступят власть, а это приведет лишь к новым жертвам.

В свете всего пережитого, на обстановку в Афганистане надо смотреть новыми глазами, учитывающими новые реалии. Афганистан теперь далеко не таков, как 10 лет назад.

Прежде всего не должен забываться пуштунский фактор. Правда, за годы войны пуштуны ослаблены, понесли наибольшие потери, среди них больше всего беженцев. В то время как в северных районах численность населения увеличилась и

экономика меньше разрушена. Но таджики, узбеки, туркмены, хазарейцы не так сплочены, как пуштуны.

Поэтому власть таджиков и узбеков в Кабуле (Раббани - Ахмат Шах Дустум) может быть лишь временной. Видимо, ведущая роль пуштунов сохранится, но вместе с тем целесообразно поддержать предоставление автономии национальным меньшинствам. Как уже говорилось в начале книги, излишняя централизация в Афганистане не приживется.

При всех обстоятельствах международному сообществу, США, России и среднеазиатским республикам СНГ важно содействовать в сохранении целостности афганского государства, не допускать его ливанизации и расширения гражданской войны на этнической почве. Россия и другие страны СНГ особенно заинтересованы в стабильности обстановки на Юге, в создании в Афганистане нейтрального дружественного государства. И мир в целом только выиграет, если этому будут способствовать также США, Пакистан, Иран, Саудовская Аравия и другие страны.

Один из зарубежных знатоков Афганистана Г. Янсен еще в 1988 г. писал: "Последствия вывода Советских войск, по всей вероятности окажутся столь ужасающими для противоположной стороны - афганских моджахедов, пакистанцев и американцев, - что перевесят и затемнят крах российской политики в Афганистане..., если в конечном итоге моджахеды возьмут верх - установят в Кабуле режим исламских фундаменталистов. Это окажется настоящим кошмаром для всех, кто поддерживает моджахедов..."{44}. Об этом писал и Н. Дэзингер.

"Действительно ли, - спрашивал он, - Соединенные Штаты готовы допустить, чтобы правительство потерпело поражение, а моджахеды победили? Американцев страшит та же угроза, из-за которой Советы вошли в Афганистан: победа оппозиционных сил будет означать победу сильнейших группировок фундаменталистов, некоторые из которых питают одинаковую ненависть к Советскому Союзу и к Соединенным Штатам"{45}. К сожалению, многое из этого подтверждается.

При всех обстоятельствах основные усилия теперь целесообразно сосредоточить на путях политического урегулирования афганской проблемы во взаимодействии и сотрудничестве со всеми государствами, заинтересованными в этом, и противостоящими группировками внутри Афганистана. Особенно хотелось бы надеяться на активизацию роли ООН в решении афганской проблемы. Главное же состоит в том, чтобы все заинтересованные в афганском урегулировании стороны и силы дали возможность самому афганскому народу путем действительно свободного волеизъявления определить свою

судьбу. И не в интересах гордого и мужественного афганского народа дать втянуть себя в авантюры, связанные с экстремистскими действиями против соседних народов Средней Азии. Это принесет новые еще более страшные бедствия для всех народов этого региона и в первую очередь для самого афганского народа.

В заключение хотелось бы подчеркнуть необходимость согласованных позиций России и среднеазиатских республик по отношению к Афганистану. Переход от унитарного союзного государства к Содружеству независимых государств не означает исчезновения общих для стран Содружества интересов и ценностей. В жизни они существуют и неизбежно будут давать о себе знать как выражение объективной потребности наиболее рационального решения общих, взаимосвязанных политических, экономических и оборонных задач. Афганская проблема вобрала в себя именно такие общие интересы и задачи.

В Афганистане, честно выполняя свой долг, воевали воины многих национальностей, они вместе делили и горе утрат и радости боевых удач. Совместными усилиями надо сделать все для того, чтобы из Афганистана к нам шли мир и спокойствие, чтобы нерешенность афганской проблемы не обернулась для наших народов новой бедой. Надо думать и об оказании помощи в восстановлении экономики Афганистана.

В целом война в Афганистане остается одной из самых трагических страниц истории. Но тем более важно как можно полнее учесть как политический, так и военный опыт этой войны, чтобы он послужил надлежащим уроком для более разумного решения сегодняшних и будущих задач обеспечения безопасности и мирного сосуществования наших народов.

Примечания

{1} Маркс К. и Энгельс Ф. Соч., т. 14, М., 1959, с. 78.

{2} Война в Афганистане. М., Воениздат, 1991, 367 с.

{3} Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., Изд. группа "Прогресс", "Культура", 1994, 352 с.

{4} Гай Д., Снегирев В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. М., ИКПА, 1991, 380 с.

{5} Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. М. ГПИ ИСКОНА, 1995, 650 с.

{6} Военно-исторический журнал. 1991, № 7.

{7} Там же. М., 1993, № 10, 11, 12; 1994, № 1.

{8} Bonosky Phillip. Washington's Secret war against Afghanistan. N. Y. 1985.

{9} Woodward Bob, Veili: The Secret Wars of the CIA, 1981-1987 №4б 1987.

{10} Urban M. War in Afghanistan. London, 1988, 248 pp.

{11} Harrison S. Inside the Afghan talks. Foreign Policy. 1988, Fall. №72, p. 31-60.

{12} Anwar R. The Tragedy of Afghanistan: A first-man account. London-New York, Versa, 1988, 286 pp.

{13} La Drole de Crice: De Kabul a Geneve. 1979-1985, Paris, Fayard, 1986, 269 pp.

{14} Chevalerias A. Afghanistan: Hult ans de Guerse. Defense nationale, 1988, № 2, p. 89-107.

{15} Брудерер Г. Афганская война. Посев, 1985, 53 с.

{16} На стр. 8 своей книги Брудерер называет его генералом МВД, а на стр. 47 - КГБ.

{17} В действительности Папутин застрелился на почве алкоголизма в Москве 27.12.79 г.

{18} Там же с. 10.

{19} Там же с. 8-9.

{20} Там же с. 50.

{21} Там же с. 43.

{22} Гай Д., Снегирев В. Вторжение. Неизвестные страницы необъявленной войны. М., ИКПА, 1991, с. 3.

{23} Там же с. 105.

{24} Столица, 1991, № 22(28), с. 4.

{25} Цит. От стратегии обороны к политике мира. М., Наука, 1993, с. 87.

{26} Война в Афганистане. М., Воениздат, 1991, с. 40.

{27} Социологические исследования. 1988, № 5, с. 109.

{28} Джирга - "круг", совет наиболее умудренных и авторитетных людей, собирающихся для решения жизненно важных вопросов.

{29} Из 16 млн. населения 8,2 млн. составляли пуштуны, 3,3 млн. таджики, 2 млн. узбеки, 0,5 млн. туркмены, 0,5 млн. хазарейцы, несколько сот тысяч чарайнаков, нуристанцев, белуджей и др.

{30} Громов Б. В. Ограниченный контингент. М., 1994, с. 262.

{31} Мужество. М., 1992, с. 5.

{32} Спольников В. Н. Афганистан: исламская контрреволюция. М., Наука, 1987, с. 238

{33} Упомянутая выше книга В. Н. Спольникова, с. 28.

{34} Шебаршин Л. В. Рука Москвы, М., Центр-100, 1992, с. 192.

{35} Гай Д., Снегирев В. Вторжение. М. СП "ИКПА", 1991, с. 186.

{36} Нурмурадов А. Кровавая пелена. Ташкент, 1993, 295 с.

{37} Там же, с. 3

{38} Там же, с. 269.

{39} Красная звезда, 10.11.94 г.

{40} Нурмурадов А. Кровавая пелена. Ташкент, 1993, с. 274.

{41} Почитайте повесть турецкого писателя Махмуда Макала "Деревня" - М. Г.

{42} Журнал "Кентавр", 1994, № 94, с. 55.

{43} Комсомольская правда, 17.10.1992 г.

{44} Jansen G. A. Dire Outlook. Middle East International. 1988, April, p. 12.

{45} Цит. Ляховский А. А. Трагедия и доблесть Афгана. ГПИ ИСКОНА. М. 1995, с. 399.